

ДЕТЕКТИВ-**Н**ОСТАЛЬГИЯ

Мертвая сцена

Полное
погружение
в атмосферу
эпохи
60-х

Евгений НОВИЦКИЙ

Евгений Игоревич Новицкий

Мертвая сцена

Серия «Детектив-Ностальгия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67471982

Е. И. Новицкий. Мертвая сцена: ООО «Издательство «Эксмо»; Москва;

2022

ISBN 978-5-04-167829-6

Аннотация

Ностальгия по временам, уже успевшим стать историей. Автор настолько реально описывает атмосферу эпохи и внутреннее состояние героев, что веришь ему сразу и безоговорочно.

Начало шестидесятых. Успешный кинорежиссер Устин Уткин был очень недоволен, когда к нему на дачу заявился его бывший однокашник по ВГИКу Нестор Носов, с которым он не виделся много лет. Когда-то Устин женился на невесте Носова, у которого после этого вся жизнь пошла кувырком. На следующий день, к своему ужасу, хозяин обнаружил гостя в сарае застрелившимся из самодельного ружья. Уткина арестовали по подозрению в убийстве. Это стало для него началом настоящего кошмара. Вдобавок ко всему на следствии жена режиссера сделала неожиданное заявление, повергшее в недоумение даже видавших виды оперативников...

Уникальная возможность на время вернуться в недавнее прошлое и в ощущении полной реальности прожить вместе с героями самый отчаянный отрезок их жизни.

Содержание

I	6
II	28
III	41
IV	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгений Новицкий

Мертвая сцена

© Новицкий Е. И., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

*** * ***

I

Он появился как будто из ниоткуда. Я услышал стук в ворота, подошел, отпер их... Я сразу узнал его. И очень удивился. Думаю, никогда еще так не удивлялся.

– Узнаешь? – спросил он вместо приветствия.

Я только с ошеломленным видом кивнул.

– К тебе можно? – задал он следующий вопрос.

Я снова кивнул – и посторонился, пропуская его во двор дачи.

«Зачем он здесь? – размышлял я, уже кипятя на веранде воду, чтобы угостить его чаем. – Спустия столько лет! Где он пропадал все это время? И почему вдруг заявился ко мне?»

Не скрою, я был настолько ошарашен его внезапным появлением, что поначалу был не в силах обращаться к нему с вопросами и вообще говорить с ним.

Сейчас сам все расскажет, успокоил я себя и уже расслабленно присел напротив него, предварительно сунув ему под нос дымящуюся чашку с чаем.

– А ты? – показал он рукой на свой чай.

– Я только что пил, – соврал я.

– Ну ладно, – пожал он плечами.

Возникла пауза, которая с каждой секундой казалась мне все невыносимее.

– Так... какими судьбами? – наконец выдавил я.

– Сам знаешь какими, – неожиданно ответил он, а затем глубоко вздохнул.

Я даже вздрогнул от его ответа, показавшегося мне до крайности нелепым. Но тут же взял себя в руки и хмуро заметил ему:

– Я ничего про тебя не знаю... не знал. Где ты, собственно, был?

– Тебя это действительно волнует? – поднял он на меня свой до боли знакомый тяжелый взгляд.

– Может, хватит говорить загадками? – поморщился я.

– Какие загадки? – Тут он словно бы смутился. – Нет-нет, никаких загадок... Просто я случайно тут оказался и также случайно узнал, что ты здесь живешь. И вот зашел...

– А как можно случайно тут оказаться? – нервно усмехнулся я.

– Я был у друзей... у знакомых, – пробурчал он. – Они уехали – а меня забыли.

Этот ответ, как ни странно, показался мне убедительным. Да, только с ним могло случиться то, что его забыли...

– Уехал бы один, – тем не менее сказал я. – Показать, как к автобусной остановке выйти?

– Да я и сам знаю, – отмахнулся он и вдруг оживился: – Слушай, а ты ведь здесь один сегодня?

– Как видишь.

– Так, может, я у тебя переночую?

Я напрягся. Хотел было отказать, но вдруг черт дернул

меня, и я согласился.

– Ну оставайся, – вяло промолвил я.

– Спасибо! – Тут он неожиданно широко улыбнулся. Мне даже не по себе стало.

– Хорошо, пошли, – поднялся я со стула.

Мы покинули веранду, и я проводил его в дом.

– Вот здесь можешь устроиться, – сказал я, приведя его в маленькую комнату с кроватью.

– Это что – комната для гостей? – осмотрелся он.

– Можно и так назвать.

– А ты где будешь спать?

– Я здесь – в большой комнате, на своем обычном месте.

Вон на той кровати.

– И больше в доме комнат нет? – Он был как будто оскорблен размерами моей дачи.

– Как видишь.

– А я слышал, ты очень преуспел.

– Как сказать, – усмехнулся я. – Во всяком случае, судить о преуспевании по количеству комнат в дачном доме...

– Понял-понял-понял, – взмахнул он руками. – Прижучил! Как всегда, прижучил!

– И в мыслях не было, – растерянно хмыкнул я.

До ночи оставалось еще несколько часов, так что я решил занять это время хозяйственными хлопотами. «Заодно избавлюсь от ненужных разговоров с незванным гостем», – по-

думалось мне.

Но гость почти не докучал мне. Уж не знаю, чем он там занимался, только пару часов я его не слышал и не видел. Лишь раз он подошел ко мне, пока я отдыхал под яблоней, и протянул какую-то железяку:

– Видел подобную штуку?

Я недоуменно взял ранее невиданный предмет и стал вертеть, пытаюсь разобраться, что это такое.

– Не знаешь?! – со странной веселостью выкрикнул гость.

– Что не знаю? – сухо спросил я.

– То, что ты сейчас держишь в руках!

– Понятия не имею, – пожал я плечами.

– Эх ты, – с укоризной сказал он и, вздохнув, забрал железяку. – Это ведь ружье!

Мне стало неприятно, как мне тогда показалось, оттого, что я не угадал предмет.

– Ружье, – хмыкнул я и тут же встрепенулся: – Ты его здесь нашел, что ли?

– Я его сам сделал, – с гордостью произнес он.

– Зачем оно тебе? – неприязненно покосился я на гостя.

– Для охоты, конечно, – фыркнул он, а затем воскликнул: – А разве дача не твоя?

– Недавно купил. Поэтому и не знаю, что здесь могло остаться от прежних хозяев... Думал, ты в сарае нашел...

– То есть ты, значит, не охотник?

– Я удивляюсь, что ты, оказывается, охотник, – с недове-

рием взглянул я на него.

– Поскитался бы ты с мое, – усмехнулся он, – не только охотником и рыболовом, а может, и преступником бы стал.

– Но ты-то, надеюсь, не стал? – через силу улыбнулся я, полагая, что гость шутит.

– Пока нет, – загадочно ответил тот.

– А где же ты... скитался? – спросил я после паузы.

– По всему Союзу, – кратко сказал он.

Решив прекратить дальнейшие расспросы (тем более что судьба Носова была мне малоинтересна), я удалился в дом, оставив гостя сидеть со своей самоделкой под деревом.

В следующий – и последний – раз мы с ним заговорили уже за полночь (ужинали мы практически в полном молчании).

Погасив на ночь свет и улегшись в свою постель, я не менее часа слушал, как ворочался и вздыхал досужий гость.

«Надо было не пускать его!» – мысленно укорял я себя.

Наконец гость затих, однако я все равно не мог уснуть. Настал мой черед ворочаться.

– Устин! – негромко вдруг окликнул меня гость из своей кровати. Впервые за сегодня он обратился ко мне по имени.

– Что? – бесстрастно спросил я.

– Не спишь?

– Нет.

– Забыл спросить... А как там Алла?

– С ней все в порядке, – ответил я после паузы.

– Вы с ней так и остались вместе?

– Ну да.

– Ясно, – сказал гость и вновь глубоко вздохнул.

После этого он замер и лежал не шелохнувшись. Уж не знаю, спал или притворялся.

Я же, к своему неудовольствию, окунулся мыслями в наше общее с ним прошлое...

Мы с Носовым учились во ВГИКе. На режиссеров. Алла была студенткой актерского факультета – параллельного нашему. Почти с самого начала обучения наши факультеты тесно сотрудничали: режиссеры ставили учебные сценки, естественно, с помощью однокашников-актеров. Носов, как он сам мне потом рассказывал, влюбился в Аллу с первого взгляда. И тут же предложил ей главную роль в первой же своей ученической сценке – кажется, фрагменте «Грозы» Островского. На какое-то время Носов и Алла сблизились. Он завел обыкновение провожать ее домой после занятий. Вроде бы они виделись и по выходным...

Но тут внезапно вмешался я. Я тоже влюбился в Аллу, хотя и не сразу. До поры до времени я ее как будто не замечал. Пожалуй, прежде всего из-за того, что о ней без конца трещал Носов. Носова я считал (и, по-моему, справедливо) человеком, начисто лишенным какого-либо вкуса. Так что первое время я с постыдной опрометчивостью полагал, что предмет его страсти не может иметь никаких достоинств. Я даже не давал себе труда как следует взглянуть в этот пред-

мет...

Но однажды-таки взгляделся. Как-то раз – не вспомню уж, при каких обстоятельствах, – мы с Аллой остались наедине на полчаса в пустом вгиковском коридоре. То ли какого-то преподавателя ждали, то ли еще что... Естественно, почти сразу мы заговорили о Носове.

– Носов от вас без ума, – серьезно поведал я Алле.

– Да, я знаю, – спокойно ответила она, потупив глаза.

– И есть от чего! – неожиданно для себя самого выпалил я.

Девушка подняла на меня огромные красивые глаза – немного печальные, как мне показалось.

– Вы так думаете? – с интересом спросила она.

– Конечно, – почему-то прошептал я и, по-моему, покраснел. – А как, кхм, как он вам? – быстро добавил я, чтобы скрыть смущение.

– Он хороший, – сказала Алла.

А я возликовал. Уже тогда я понимал, что когда красивая девушка говорит про кого-то: «он хороший», значит, у этого «хорошего» нет никаких шансов на роман с ней.

«Однако почему я ликую? – мысленно пожурил себя я. И тут же себе признался: – Да потому что эта Алла – великолепна, восхитительна... Как же я раньше этого не замечал?!»

– Кстати, Алла, – промолвил я, понизив голос, – у меня как раз сейчас есть чудная роль для вас.

– В очередном жалком фрагментике? – усмехнулась девушка.

– Я надеюсь, что этот фрагментик вырастет в мою дипломную работу, – нашелся я.

– Ого! – с одобрением посмотрела на меня Алла. – Вот роли в кино мне еще не предлагали. Даже в студенческом.

– Ослы! – презрительно фыркнул я. – И куда они только смотрят?

– Вы про кого сейчас? – хихикнула девушка.

– Да про всех этих пырьевых и юткевичей! Они просто обязаны были давным-давно засыпать вас ролями, причем главными.

– Вы так преувеличенно льстите, – медленно начала Алла и быстро закончила: – Что мне это даже нравится!

– А мне нравитесь вы, – улыбнулся я и придвинулся к ней поближе.

– Нестор этого не одобрит, – слегка побледнела девушка. Однако не отстранилась.

– К дьяволу Нестора! – воскликнул я – и вдруг припал губами к ее очаровательному алому рту.

Никогда ни до, ни после я не совершал таких же смелых поступков, как этот. С того дня – и на многие годы – мы с Аллой стали неразлучны.

С легкой досадой от того, что сейчас это уже не совсем так, я наконец-то заснул.

Проснулся я снова с мыслями о Носове. Неужели он до сих пор думает об Алле, вспоминает ее?.. И до сих пор нена-

видит меня?.. Как он мне тогда выкрикнул на выпускном: «Я тебя ненавижу!» Смех, да и только. К счастью, после окончания учебы мне с ним видеться не приходилось. Буквально до вчерашнего дня.

Однако я, конечно, был в курсе, что никаким режиссером он не стал. Какие-то слухи о нем доходили, кто-то там что-то о нем рассказывал, но я даже не вслушивался. Вроде бы он не смог прижиться в Москве, найти тут хоть какую-то работу, потом уехал на свою жалкую малую родину – я сейчас и не вспомню, из какой он там глухомани. Вроде бы работал в своей глухомани чуть ли не сторожем, вроде бы так и не женился... Короче, классический неудачник.

И вот наши дороги вновь пересеклись. Кто бы мог подумать... Вот такой внезапной встречи с ним я ожидал меньше, чем с кем-нибудь еще. Знакомство с Хичкоком или, не знаю, Антониони и то было бы более ожидаемым. И какой же он теперь нелепый! Еще больше, чем раньше. С ружьем этим идиотским. Охотник и бродяга. Радж Капур советского разлива. Авары я, авары я, никто нигде не ждет меня...

Все-таки интересно, по-прежнему ли он на меня зол?.. На самом-то деле он должен быть мне по гроб жизни благодарен. Во-первых, я избавил его от возможности (пусть ничтожной) жениться на Алле. Воображаю, что это была бы за пара. Да он через месяц жизни с ней повесился бы. От сознания своей мизерности и полнейшего несоответствия такой шикарной женщине, как она. Во-вторых, я подарил ему рос-

кошный мотив для оправдания. Оправдания всей его незадавшейся жизни. Так и представляю, как он не раз, не два, не десять и даже не сто рассказывал каждому встречному-поперечному что-нибудь такое: «А ведь и я, вы знаете ли, любил... Любил безумно, страстно – единственный раз в жизни! Любил самую лучшую девушку на свете! И у нас бы с ней обязательно все-все получилось, и мы непременно были бы безмерно счастливы... Но увы! Между нами встал некий подлец, негодяй. Он совратил наивную Аллу, нашептал и наобещал ей всякого, увел от меня! И вот вы видите, что теперь со мной. Я самый несчастный человек на Земле. Мне уже ничего не нужно. Женщины для меня не существуют – я знаю им цену. Если даже лучшая из них оказалась такой слабой, такой... предательницей, что же требовать с остальных?... К работе после этого случая я тоже потерял интерес. Я мог бы стать – и наверняка стал бы! – великим гением кинематографа. Эйзенштейн был бы передо мной щенок. Но мое разочарование, моя, не побоюсь этого слова, колоссальная трагедия лишили мир потенциально великого кинохудожника. Поделом же вам, люди, поделом вам, женщины, поделом, все подлецы, негодяи и негодяйки планеты!...»

Я едва не расхохотался вслух от этого мысленного перевоплощения в Носова – довольно правдоподобного, надо сказать.

Но я зажал рот рукой и покосился в сторону маленькой комнатки. Он, кажется, еще спит. Вот и пусть спит. Надеюсь,

выспится – и наконец-то уберется восвояси. Чтобы теперь-то уж точно никогда больше не появиться перед моими глазами.

Полежав еще немного, я встал, оделся и осторожно подошел к двери в соседнюю комнатку.

О, так его уже нет! Сам свалил. Да, это единственный его умный поступок за последние сутки. Если не за всю жизнь.

Я с брезгливостью скомкал постельное белье, оскверненное касаниями Носова, и швырнул его в большую корзину. Постираю в городе – в стиральной машине.

Настроение постепенно стало улучшаться. Я даже принялся насвистывать. Включил радио, прибрался в доме. Не прибраться ли заодно в сарае? Пошел туда. Отворил скрипучую дверь – и едва не закричал от ужаса. Бездыханный Носов лежал в сарае навзничь. На рубашке его расплылось огромное буро-красное пятно.

Я на ватных ногах вышел из сарая, зажимая рот рукой, и медленно затворил за собой дверь.

Мысли путались. Носов... Застрелился... У меня в сарае... Вот сволочь...

Да, конечно, он нарочно так сделал. Спланировал. Давно уже, видно, принял решение покончить жизнь самоубийством и вот наконец осуществил его. Но не сдох тихо и мирно в своей глубинке, а разыскал меня, чтобы... чтобы... что? Чтобы меня подставить! Ну конечно! Впутать меня в историю. Навлечь на меня неприятности. Наконец-то отомстить

мне спустя столько лет.

Ладно, в его гнусных мыслишках разбираться нет смысла. Сам он уже никогда ничего не подтвердит и не опровергнет. Сейчас важно другое. Что, что важно?.. Тьфу, черт, совершенно потерял возможность соображать. То есть способность соображать! «Способность» и «возможность» – как правильно?

Стоп, стоп. Спокойствие, только спокойствие, как говорил шведский человечек, про которого переводила Лилианка Лунгина... Это Алла так ее зовет – это ведь ее подруга. Я-то с ней шапочно знаком, а муженька ее вовсе не перевариваю. Вместе с его соавтором Нусиновым. Слишком много о себе мнят. Надо было вообще не обращаться к ним с предложением стать моими соавторами. «Мы пишем только вдвоем – без режиссера!» Глядите, какие принципиальные! Вернее, псевдопринципиальные, ведь Лариску Шепитько они потом-таки взяли в соавторы. Сделали одолжение...

Ох, ну о чем я вообще думаю сейчас! Может, это защитная реакция такая?.. Что делать, что делать, что же делать?.. Так. Так-так. А может... может, ничего не делать? То есть как это ничего? Что-то нужно предпринять. Только вот что? Звать милицию, конечно!

Ну нет, в милицию никак нельзя. Если на студии узнают (а узнают обязательно!) об этой пакостной истории, то мою картину тут же закроют. Немедленно. Безо всяких разговоров. Над ней и так с самого начала дамоклов меч висит.

Как там этот мудрец Сурин прочирикал... «Вы хотите снять несоветский фильм!» Вот ведь радетель за все советское выискался! Воображаю, как он обрадуется, когда узнает о том, что в моем сарае застрелился бывший однокашник. «Вы с ним вместе учились, хе-хе? И вот через десять лет он разыскал вашу дачку, хе-хе? И там покончил с собой, хо-хо? Из-за бабы, ха-ха? Из-за заслуженной то бишь артистки Аллы Лавандовой, хы-хы?!»

Ну нет. Не доставлю ему такого удовольствия. Ни ему, ни всем остальным. Никто ничего подобного никогда не скажет!

То есть что это я? Не стану заявлять?.. Ну, конечно, не стану. А как тогда?.. А никак. Кому он нужен, этот Носов? Он и живым никому не был надобен, а уж мертвым и подавно. Да, да, с вероятностью девяносто девять и девять его никто не хватится. То, что он здесь у кого-то гостил, разумеется, чушь. Он оказался здесь исключительно из-за меня. И его, возможно, даже никто тут не видел. Никто кроме меня. А если еще кто и видел, то едва ли запомнил. И, уж конечно, никто из моих соседей его не спохватится.

А если спохватится кто-то из его родственников? Вот хоть убей, не могу сейчас вспомнить, говорил ли он хоть когда-нибудь о своей семье, своих родителях?.. Нет, не помню. Допустим, даже кто-то у него есть. Но не оставил же он им записку, что едет ко мне для самоубийства...

Одним словом, решено. Я никому ничего не скажу. И очень скоро кошмарная история забудется. Вот только труп.

Как быть с трупом?..

Я вновь подошел к сараю – и с замиранием сердца заглянул в щель между досками. Лежит. По-прежнему лежит. Хм, как будто он может вдруг взять и встать.

Не закопать ли его прямо там – в сарае? Все равно я им не пользуюсь. И не надо будет никого никуда перетаскивать. Эта мысль показалась мне здоровой. В тот момент мне бы и не такая мысль показалась здоровой.

Я собрал все свое хладнокровие, взял лопату и пошел в сарай. Руки тряслись, но я все-таки выкопал яму. С отвращением спихнул туда ногами Носова вместе с его ружьишкой – и стал спешно засыпать труп. Лишнюю землю я рассыпал по участку там и сям небольшими горстями.

А в сарае все стало почти как прежде. Земля такая же ровная. Сейчас еще можно заметить, что она свежевскопанная, но думаю, что через несколько дней...

Впервые за сегодня я посмотрел на часы. Ого! Уже восемь вечера. Что же я так долго возился? Только сейчас я осознал, что за весь день не съел ни крошки и даже ни глотка воды не выпил. Вот и такое, значит, бывает.

Наскоро набив рот остатками своих запасов, я сел в машину – и рванул в город. Завтра ведь съемка...

Лишь когда я примчался домой, вбежал в квартиру и крепко обнял Аллу, то вздохнул свободно. Вернее, мне только показалось, что свободно. Алла тотчас заметила во мне какую-то перемену, но сразу ничего не сказала. Начала, по

обыкновенно, беспечно щебетать с оттенком своей всегдашней иронии:

– Ну что, дачник, на славу потрудился?

– Еще бы, – попытался я ответить ей в тон. – Все в полном. Надеюсь, в следующие выходные уже поедем на дачу вместе.

– И я надеюсь. Хотя впервые за год из Москвы выберусь. Пусть только в Подмосковье... Ой, что это? – вдруг осеклась Алла, остановив на мне взгляд.

– А что такое? – якобы удивился я и даже оглянулся. Сделал попытку отшутиться, но попытка не удалась.

– На тебе лица нет, – недоуменно выговорила Алла, до-трагиваясь до моей щеки.

– Как это нет? – возразил я, прикасаясь к другой своей щеке. – По-моему, все на месте.

– Перестань, – поморщилась Алла. – Скажи лучше сразу: там что-то случилось, на даче? Или, может, по дороге?

– Да ничего не случилось, – с досадой ответил я и, помимо своей воли, встал и зашагал по комнате. – Все нормально... Просто устал, может быть...

– Да? – подозрительно спросила Алла.

– Ну да! – воскликнул я, наконец посмотрев ей в глаза.

– Ну хорошо тогда, – вроде бы расслабилась она. – А что у нас там завтра? – переключила она разговор на работу.

– А ты еще не готовилась? – делано возмутился я.

– Да что там готовиться, – отмахнулась моя любимая артистка. – Ты мне десять фраз написал на весь сценарий.

– Зато главная роль, – парировал я.

– Ты любую манекенщицу мог бы пригласить, – к Алле вернулся ее шутливый тон. – Она ничуть не хуже смогла бы сыграть. Ведь и играть особо ничего не надо. Ходи и... как ты там говорил?

– Ходи и являй собой красоту, – охотно напомнил я.

– Вот-вот, являй собой... Так что манекенщица, по-твоему, не справилась бы? Среди них очень хорошенькие попадаются.

Я умилился, подсел к Алле и обнял ее за плечи:

– Мне не нужны ни хорошенькие, ни даже очень хорошенькие. Мне нужна подлинная красавица. И с богатым внутренним содержанием. Словом, более подходящей кандидатуры на эту роль, чем ты, я во всем Союзе не найду.

– Горе ты мое, – нежно проворковала Алла и, не выпутываясь из моих объятий, запрокинула голову назад. Я тотчас припал горячими губами к ее белоснежной шее.

Начались трудовые кинематографические будни. С каждым днем я все успешнее забывал о случившемся в минувшие выходные.

В пятницу мы досняли последнюю сцену и тем самым ровно-хонько уложились в график. Я ликовал. Всю следующую неделю посвящу монтажу. Это моя любимая стадия в производстве фильма.

В субботу же утром мы с Аллой поехали на дачу. Она была

здесь впервые. Я водил ее по участку, демонстрируя чуть ли не каждую травинку, тогда как пресловутый сарай будто не замечал.

В конце концов Алла сама обратила на него внимание:

– А это что за будка?

– Вот именно будка! – натужно рассмеялся я. – Надо будет, пожалуй, снести эту рухлядь. Зачем она нам?..

– А что там внутри? – любопытствовала Алла, приотворяя скрипучую дверь.

Вошли внутрь.

– Ну вот, – тупо сказал я, очертив рукой узкое пространство. – Как видишь, ничего особенного. Какие-то старые инструменты. Стол вот столярный. – Я пнул установленный напротив двери древний верстак.

– Да здесь не все такое уж старое, – протянула Алла. – Вот смотри – лопата совсем новая.

Моя любимая взяла лопату, а я похолодел. И как я мог оставить ее здесь?! Прямо, так сказать, на месте преступления. Если, конечно, тайное захоронение жалкого самоубийцы можно всерьез назвать преступлением.

– Лопата, конечно, новая, – честно сказал я. – В прошлую субботу как раз купил по дороге на дачу.

– А зачем? – любопытствовала Алла.

– Да так, думал, может, что-нибудь вскопать придется, – морщась, выдавил я.

– И что – пригодилась? Вскапывал что-нибудь? – не уни-

малась моя возлюбленная.

– Я только опробовал. Где-то там, – показал я рукой в неопределенную сторону.

– И как?

Господи, что же она так прицепилась к этой лопате?!

– Нормально, – промямлил я.

– Ясно, – наконец протянула Алла – и обернулась ко мне с лучезарной улыбкой: – Идем обедать?

– Конечно! – просиял я больше от облегчения, чем от ее лучезарной улыбки.

Пообедали. Потом снова побродили по участку, затем пошли готовить ужин.

– Скучно здесь, – призналась Алла после ужина.

Я чувствовал, что дело во мне. На самом деле это я сегодня скучный, особенно после окации с лопатой.

– Обживемся еще, – успокаивающе промолвил я.

– Да, наверно, – равнодушно ответила Алла.

Зато уж ночью мы наконец нашли интереснейшее занятие. Надо сказать, давненько мы с моей музой так страстно не занимались любовью...

– Вот видишь, что получается от простой перемены ночлега, – с довольным лицом заметил я Алле после третьего раза, когда время тоже приближалось к трем ночи.

– Ты был прав – здесь все-таки неплохо, – уже почти сквозь сон пробормотала Алла.

Через минуту заснул и я.

Утром во время завтрака Алла вдруг замерла – и хлопнула себя по лбу.

– Что такое? – почему-то испугался я.

Она прожевала кусок бутерброда и пояснила:

– Я же к матери сегодня обещала заехать.

– И только-то? – расслабился я. – Ну заедем вечером.

Алла покачала головой:

– Я обещала с утра ей позвонить, а в обед заехать.

Я шумно выдохнул:

– Так что – предлагаешь уже сейчас уезжать?

– Давай я сама съезжу! – нашлась Алла. – Посижу у нее полчаса – и назад. А то... ты же знаешь мою мать.

– Знаю, – согласился я.

– Может, все-таки вместе сейчас поедем? – сказал я уже на улице, когда Алла уселась за руль, а я открыл ей ворота.

– Да не волнуйся, – улыбнулась она. – Максимум через два часа вернусь. Ну ладно, пока. Нагнись-ка.

Я нагнулся – она высунула из окна голову и быстрым движением чиркнула своими губами по моим губам. Затем пристегнула ремень – и нажала на газ.

А я еще долго стоял как потерянный и смотрел на удаляющуюся машину, покуда она не скрылась за дальним поворотом.

Через два часа Алла не появилась. Не появилась она и через три, и через четыре. Я уже начал беспокоиться.

«Что-то случилось, – с досадой думал я. – И зачем я ее одну отпустил? И непонятно, как самому теперь отсюда уезжать... На вечернем автобусе разве. Да, придется его дожидаться, если Алла так и не вернется».

Но на автобусе я не поехал, хотя и Алла не появилась. Произошло кое-что необычное, чего я меньше всего ожидал. Пускай для ожидания того, что случилось, у меня на самом деле были все основания. Короче говоря, ко мне на дачу пожаловали милиционеры. Сразу трое, не считая собаки. Сперва заколотили в ворота, я открыл – и они поспешно прошли на мой участок. И сразу же стали обшаривать все его уголки, нагло не отвечая на мои вопросы. Собака как сумасшедшая обнюхивала каждый квадратный сантиметр моих шести соток.

– Что в сарае? – вдруг показал рукой на подсобное строение один из визитеров – кажется, старший лейтенант. Это было первое, что я услышал от них.

– Ничего. Инструменты, – даже не сказал, а, по-моему, просто прошевелил я губами.

– Мухтар, след! – командовал собаке второй из троицы стражей порядка.

Симпатичная немецкая овчарка подбежала к сараю – и, к моему удивлению, сама открыла дверь, не такую уж и легкую.

Тот, кто командовал, придержал дверь спиной и стал наблюдать. Мухтар оперативно обнюхал землю – и, обернув-

шлись к своему командиру, два раза пронзительно гавкнул. А затем принялся разрывать могилу Носова.

– Ладно, Мухтар, рядом, – негромко сказал псу стоявший у двери милиционер.

Двое других стражей порядка приблизились ко мне – и старший лейтенант, выразительно покосившись на раскрытый сарай, спросил:

– Так что у вас там?

– Как видите, ничего, – сипло ответил я.

– А если подумать? – усмехнулся другой.

– Тихо, Петренко, – цыкнул на него старлей. И вновь обратился ко мне: – Может быть, сознаетесь, прежде чем мы сами раскопаем?

– Сознаюсь... в чем? – еще более сдавленно спросил я.

– Это уж вам виднее, – хмыкнул служитель закона.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – уже тверже сказал я.

Мысль о том, чтобы рассказать, что произошло неделю назад на моем дачном участке, даже не пришла мне тогда в голову. Уже второй раз я выбрал неправильную стратегию поведения, в чем позже пришлось раскаиваться.

– Ну как хотите, – с оттенком легкой угрозы промолвил старлей. И, пройдя внутрь сарая, обернулся и громко воскликнул: – Ба, да тут и лопата есть! Ты смотри, совсем новая... Не хотите нам помочь? – вновь обратился он ко мне.

– Не хочу, – сразу ответил я. И тут же добавил: – А в чем?

– В том, чтобы немножко раскопать здесь, – ехидно пояс-

нил милиционер. – Не хотите? Ну как хотите. Петренко! – окликнул он своего подчиненного.

– Я! – немедленно вытянулся перед ним молодой ушастый сержант.

И, не дожидаясь приказа, тут же схватил лопату – и усердно начал раскапывать землю.

– И земля совсем свежая, – через полминуты констатировал лейтенант.

А еще через две минуты разгоряченный Петренко замер и с волнением поглядел на старшего:

– Там, кажись, того... что-то мягкое.

– Ну давай тогда теперь поаккуратнее, – участливо посоветовал сержанту старлей.

Петренко осторожно стал расчищать землю острием лопаты. Вскоре показался знакомый мне материал рубашки Носова. Я не выдержал и отвернулся.

– Что такое, гражданин? – немедленно отреагировал на мои действия лейтенант. – Вам нехорошо?

Я только неопределенно покачал головой.

– Придется вам проехать с нами, – со вздохом, как бы сожалея, заключил милиционер.

II

– Вот так понаписали, – заключил следователь, наконец отложив исписанные листы в сторону. – Прямо сюжет для детективного фильма! Только нам вы голову не заморочите, гражданин Носов. Мы, смею заверить, и не таких на чистую воду выводили.

Подследственный поморщился:

– Долго вы еще будете называть меня Носовым? Повторяю: Носов мертв.

– Ну хватит! – прикрикнул следователь и даже хлопнул ладонью по столу. – Я все понимаю. Решили психом прикинуться. Думаете, посадят в психушку на пару лет – этим и отделаетесь? Так вот, не выйдет! – Он привстал и замахал указательным пальцем прямо перед лицом подследственного.

– Никаким психом я не прикидываюсь, – спокойно возразил последний. – Это вы как будто хотите из меня психа сделать. Вы нашли на моем участке тело Носова, а я – Уткин, Уткин, слышите?!

– Ну артист, – покачал головой следователь.

– Режиссер, – поправил подследственный.

– Один черт, – махнул рукой следователь. – Режиссерам ведь тоже дают звание заслуженного артиста?

– Дают, дают, – нехотя согласился подследственный.

– Ну вот и все, – словно бы успокоился следователь, но тут же снова завелся: – Вот вы бы, Носов, свою вину так же легко признали!

– Я Уткин, – устало возразил подследственный.

Следователь неожиданно улыбнулся:

– А вообще, похожие, конечно, фамилии... Прямо как из анекдота... Если бы только речь не шла об убийстве, – заключил он, опять нахмурившись.

– О самоубийстве! – почти выкрикнул подследственный. – Не пытайтесь приписать мне лишнего! Я виноват только в том, что закопал тело самоубийцы, вместо того чтобы сообщить об этом милиции!

– И не совестно так выкручиваться? – с недовольством посмотрел на него следователь. – Вы ведь уже запутались в своих показаниях! Сначала говорили, что вообще знать не знаете, что это за труп такой и кто его закопал. А теперь вон чего понаписали! – Он взял исписанные листы бумаги и брезгливо бросил их обратно на стол. – Теперь вы уже сознаётесь, что закопали труп! Но при этом называете себя фамилией покойного! А мертвому приписываете собственную фамилию! Так почему же при стольких бессмысленных искажениях фактов я должен еще и поверить, что вы не убивали хозяина дачи?!

Подследственный схватился за голову:

– Господи, я больше не могу вас слушать! Откуда вы все это взяли – то, что вы говорите?! Я хозяин дачи, именно я,

Уткин! У меня и все необходимые документы есть!

– Тогда предъявите, – словно издеваясь, предложил следователь.

– Они на даче остались! – крикнул подследственный и даже привстал.

– Спокойно! – осадил его следователь. – Носов, вы что – самым умным себя считаете? Уничтожили документы покойного... вероятнее всего, убитого... и решили, что вас примут за него, хозяина, а его, мертвого, – за вас? Вы с какой, спрашивается, Луны свалились?!

– Документы на дачу лежат на даче, – медленно и тихо выговорил подследственный. – Поищите как следует... Прощу вас!

– Ну точно марсианин! – показал на него пальцем следователь. – Неужели вы думаете, что после того, что случилось, мы не устроили на даче Уткина самый тщательный обыск?

– Значит, устроили, – прошептал подследственный. – Обыскали... И что – нет документов? – с волнением спросил он.

– На дачу – нет, – отрезал следователь. – А вот кое-какие другие документы нашлись. Диплом ВГИКа, выданный некоему Носову, – с усмешкой выговорил он. – А кроме того, паспорт на имя Носова же...

И следователь с триумфом поглядел на подследственного: мол, ну что, как же ты теперь станешь отнекиваться?..

Подследственный сглотнул и забормотал:

– Все ясно, перед самоубийством он специально спрятал где-то в доме свои документы... А мои... мои, значит, нашел и куда-то дел... уничтожил... Но мой паспорт, – вдруг громко прошептал подследственный и поднял округлившиеся глаза на своего визави. – Моего паспорта там не было, то есть на даче... Он у меня дома, в городе, в квартире... Пошлите туда своих милиционеров, и пусть они снова обыщут, найдут...

– Носов, Носов, – негромко, но выразительно прервал собеседника следователь. – Вы все-таки хотите продолжать эту бессмысленную игру? Повторяю: ваш паспорт мы уже нашли... И, кстати, в каком городе мы, по-вашему, находимся?

Подследственный как будто оскорбился и неохотно ответил:

– В Москве, конечно, где же еще...

– Правильно, – обрадованно протянул следователь. – Ну а вы-то у нас где прописаны?

– Где же? – с горьким любопытством поглядел на него подследственный.

– В Копейске, гражданин, – назидательно проговорил следователь.

– Первый раз слышу, – пожал плечами подследственный. – Так вот, значит, откуда Носов... Или он только после учебы там оказался?.. – Он вдруг встрепенулся и ясным взором посмотрел в лицо следователю: – А не могли бы вы дать... показать этот самый паспорт Носова?..

– Э-эх, – вздохнул следователь. Но все-таки открыл ящик стола – и бросил перед подследственным на стол пресловутый документ.

Подследственный жадно схватил его, раскрыл, а затем чуть не подпрыгнул.

– А фотография?! – ошеломленно воскликнул он. – Фото... Фотокарточки же здесь нет, нету!

– Ну это уж вас надо спросить, почему ее там нет, – развел руками следователь. – Сами, видно, вырвали. Чтобы потом весь этот цирк здесь устроить...

– Так, слушайте, – в голосе подследственного зазвучали угрожающие нотки, – вы сейчас со мной обращаетесь как... В общем, это произвол. Кажется, уже прошли те времена, когда вам... вашему брату позволялось... Я на вас жаловаться буду!

– Жалуйтесь, – с равнодушным видом покачал головой следователь.

– Вы... вы... – с волнением продолжал подследственный, уже принявшийся активно жестикулировать, – вы суете мне чужой паспорт с вырванной фотокарточкой... и лишь на том основании, что его нашли на моей даче, вы утверждаете, что именно я – владелец паспорта... Но этого, кажется, мало для таких домыслов... утверждений. Неужели нет?! – почти выкрикнул в заключение подследственный и внезапно опустил руки, словно обессилев.

– Значит, вы не Носов? – с нескрываемой насмешкой

спросил следователь.

– Нет! – крикнул подследственный.

– А ну спокойно! – жестко отозвался следователь. – Так какая же ваша настоящая фамилия?

– Уткин, – с ненавистью прошипел тот.

– Владелец дачи, на которой вас арестовали?

– Именно так, – нарочито громким шепотом отчеканил подследственный.

– Пусть, пусть, – закивал следователь. – Ну а кто в таком случае может подтвердить вашу личность?

– Да кто угодно... Ой! – Подследственный вдруг уронил на грудь голову и замотал ею. – Какой же я идиот... Обратитесь к Алле! – воскликнул он, снова подняв глаза на следователя. – К Алле Лавандовой, к моей... В общем, она подтвердит... – Подследственный вдруг осекся. – Нет, я надеюсь, что с ней все в порядке... Она просто задержалась тогда, а когда приехала, меня уже... В общем, обратитесь к ней! И я бы настоятельно попросил сделать это как можно скорее. Я бы тоже очень хотел ее увидеть – и убедиться, что... А уж она подтвердит, она подтвердит...

– Значит, Алла Лавандова. Известная артистка Лавандова, – закивал следователь с комически приподнятыми бровями. – А вы знаете, – таким же шутовским голосом продолжил он, – она ведь к нам уже обращалась. И вот любопытное совпадение: как раз по ее сигналу-то вас и взяли, милостивый государь!

После этих слов подследственный испытал шок. Он ошарашенно посмотрел на следователя, а потом энергично замотал головой, приговаривая:

– Нет-нет, этого не может быть, вы что-то путаете... А вы с ней разговаривали? – вдруг быстро спросил подследственный.

– Разговаривал-разговаривал, – успокоил следователь.

– Давно?!

– Вчера.

– Ну слава богу, – выдохнул подследственный. – Значит, с ней все хорошо... А вы ее больше... не этого... не вызывали?

– Отчего же, вызывал, – ответил следователь. – Как раз на сегодня.

– Что вы говорите, – заволновался подследственный. – Так я могу рассчитывать, что... То есть вы же дадите мне возможность ее увидеть, поговорить? И тогда, я уверен, все происшедшее объяснится.

– Очную ставку, значит, предлагаете? – хмыкнул следователь.

– Да! Да! Вот именно!

– Ну хорошо, Носов, уговорили, – нехотя произнес следователь и сделал паузу, покосившись на подследственного. Но тот даже не стал возражать против «Носова», так был обрадован решением следователя. – Не хотелось мне, признаться, пока этого делать, – продолжал как бы рассуждать вслух следователь, – однако с вами, я вижу, по-другому не сладишь.

Сами посудите, приятно ли гражданке Лавандовой будет видеть сейчас человека, которого обвиняют в убийстве ее, так сказать, возлюбленного?..

Подследственный самонадеянно улыбнулся:

– Вы, главное, устройте нам эту самую очную ставку – а на ней уж все разрешится.

– Ладно, – поморщившись, буркнул следователь. – Можете возвращаться в камеру. Вас вызовут.

Через пару часов подследственного вновь ввели в уже знакомый ему кабинет.

– Алла! – немедленно воскликнул вошедший и собирался было подойти к артистке Лавандовой, но следователь жестом остановил его, прибавив строгим голосом:

– Садитесь!

Подследственный подчинился и стал глядеть на Аллу, сидевшую от него на расстоянии двух метров. Лицо женщины было заплаканно, и на подследственного она глядела со смесью страха и негодования.

– Алла, – снова заговорил подследственный, – не расстраивайся. Все образуется. Ты, главное, скажи им, кто я такой...

– Носов, – вдруг с отвращением прошептала женщина, – зачем ты это сделал?.. Зачем, зачем?! Я тебя ненавижу!

Она отвернулась, уткнулась в большой платок, который комкала в руках, и кабинет огласили негромкие приглушенные рыдания.

Подследственный хотел было привстать, но следователь

вновь остановил его жестом.

– Алла, что ты такое говоришь? – в изумлении забормотал подследственный. – Какой я тебе Носов? Ты что?

Женщина вскинулась и резко обратилась к следователю:

– Пожалуйста, я больше не могу! Можно я подожду там?.. – указала она рукой на дверь. – А вы вызовете меня когда... когда уведут этого...

Алла вновь уткнулась в платок и, не дождавшись разрешения, встала и пошла к двери.

– Минуточку! – остановил женщину следователь. – Скажите, пожалуйста, в присутствии подследственного, узнаете ли вы его? Пусть услышит, а то он, кажется, позабыл, кто он такой.

– Товарищ следователь! – взмолилась Алла. – Это что – серьезно? Я еще должна участвовать в этой комедии... после того что...

– Пожалуйста, скажите, и пока что можете быть свободны, – настаивал следователь. – Итак, узнаете ли вы этого гражданина?

– Узнаю, – через силу прошептала женщина, даже не глядя больше на подследственного.

– Кто это?

– Носов, – ответила Алла. – Нестор Носов. Выпускник ВГИКа. Как и я. Мы когда-то немного общались – когда учились... Он изменился, но я его сразу узнала. Это Нестор Носов... А теперь можно мне идти?

– Да, конечно, – кивнул следователь и с неодобрением взглянул на подследственного.

За Аллой захлопнулась дверь, а человек, опознанный как Носов, так и продолжал неподвижно сидеть на месте, смотря округлившимися глазами в одну точку.

– Ну так что, Носов? – спросил следователь. – Так и будем отпираться?

– Я не понимаю, – медленно замотал подследственный головой. – Не понимаю, зачем она так себя ведет... Как будто разыгрывает... Может, решила так жестоко подшутить надо мной за то, что я от нее скрыл произошедшее на даче... Но она скоро признается! – уверенно заключил он. – Вот увидите. Она скажет, что хотела меня наказать, и поэтому вот так вот сделала.

– Зачем вам это кривляние? – наконец с раздражением прервал своего визави следователь. – Впрочем, я ясно вижу, чего вы добиваетесь, – сразу же ответил он сам себе. – На психиатрическую экспертизу напрашиваетесь. Но неужели вы думаете, что обманете специалиста? Вы ведь даже меня вот ни на столечко, – следователь показал пальцами, на столечко, – не обманули. А уж любой психиатр вас в два счета разоблачит. И на суде вам это зачтется, учтите. Ваше это самое дуракаваляние... Так что, Носов, сознавайтесь-ка в содеянном, пока не поздно, – почти дружелюбно закончил следователь. – Если прямо сейчас сознаетесь, я согласен забыть об этом инциденте с отрицанием своей личности. Инциден-

те, отнюдь вас не красящем, Носов...

– Я не Носов! – во все горло крикнул подследственный.

– Так, – мрачно произнес следователь и нажал на кнопку. В дверях тотчас возник дюжий молодец. – Уведите этого скомороха, – молвил ему следователь.

– Подождите! – Тон «скомороха» мгновенно изменился. – Давайте попробуем еще раз разобраться. Может, все-таки получится обойтись без психиатра?

– Ага, испугались! – радостно воскликнул следователь – и сделал молодцу знак, чтобы тот вышел. – Значит, все-таки будем признаваться?

– Нет, будем разбираться, – уточнил подследственный.

– Носов, мы, кажется, уже во всем разобрались, – поморщился следователь.

– Нет, не во всем, – возразил тот. – Я настаиваю, что я не Носов, и вы не можете... не имеете права... вот так просто вешать на меня эту фамилию.

– Вас только что опознали, – холодно напомнил следователь. – Вы уже забыли?

– Она ведь артистка, – отмахнулся подследственный. – Алла просто сыграла определенную роль... Сделала вид, понимаете? Это ведь нетрудно... А вот если вы свяжетесь с кем-нибудь из родственников настоящего Носова...

– Пытались уж, – усмехнулся следователь. – Нет у вас никаких родственников. Как вы и сами прекрасно знаете.

– Так я и думал, – разочарованно констатировал подслед-

ственный. – К сожалению, у меня тоже не осталось родственников.

– Правильно, ведь вы и есть Носов, – не удержался от сарказма следователь.

– Уже много лет, – словно не слушая его, продолжал подследственный, – у меня только один близкий человек. Алла. По крайней мере, я так думал. А теперь вижу, что она, кажется, меня предала, отвернулась от меня.

– После окончания института вы с ней больше не виделись! – резко сказал следователь. – Что вы опять плетете?

– Посмотрю я на вас, когда вы узнаете правду, – попытался улыбнуться подследственный. – А правда в том, что Алла Лавандова была моей фактической женой.

– А в паспорте про вашу жену почему-то ничего не указано, – сказал с издевкой следователь и помахал документом перед носом подследственного.

– Про нее и в моем паспорте не указано. Я же говорю: она фактическая жена. Но мы не расписывались.

– Все, Носов, вы меня доконали. – Следователь звонко шлепнул паспортом о стол. – В следующий раз с вами уже будет говорить психиатр. И я как-то вот заранее не сомневаюсь в том, что именно прочту в его официальном заключении... Симулянт-самоучка, – фыркнул он и вновь нажал на кнопку.

Вошел тот же детина, и подследственный уныло встал, заложив руки за спину.

– Знаете, как классифицируется то, что вы сделали? – спросил следователь на прощание подследственного. – Я сейчас не про ваши кривляния, а про вашу расправу над бывшим однокашником... Так вот, это называется «умышленным убийством приотягчающих обстоятельствах». Я хоть не судья и не прокурор, но мое мнение такое, что не избежать вам за это расстрела, Носов... А если бы хоть здесь, хоть сейчас повели себя как человек, можно было подумать и об альтернативном наказании... А, ладно, говорить с вами – только воздух сотрясать. – Следователь с брезгливым видом отвернулся от ничего не выражавших глаз подследственного и принялся нервно прикуривать.

III

Вот уже неделю я коротаю свои дни и ночи в тюремной камере. Меня обвиняют в убийстве, которого я не совершал. В убийстве проклятого Носова, нарочно покончившего с собой на моем дачном участке. Это бы еще полбеды, а самое ужасное в том, что Носовым теперь называют именно меня! А Устином Уткиным считают как раз его, гнусного самоубийцу... Ну то есть кто так считает? Один только следователь, который ведет мое дело. Но он полный идиот.

А еще Алла... Алла зачем-то поддакивает этому идиоту-следователю. Более того – именно она-то и внушила ему эту версию: про то, что я Носов и убийца Уткина.

Еще пару дней назад я был твердо уверен, что Алла решила жестоко меня разыграть, можно сказать, наказать. Может, она и правда подумала, что я убил Носова, не знаю. Однако теперь я понимаю, что заднего хода она уже не даст. Да и как это теперь будет выглядеть? Ее же саму придется сажать за дачу ложных показаний. Так что надо, видимо, смириться с мыслью, что Алла решила меня уничтожить. Вот только за что? Не понимаю. Сколько ни думаю об этом, все-таки ничего не понимаю. Неужели из-за треклятого Носова? Но это же нонсенс. Допустим, она почему-либо уверилась, что я действительно убил этого несчастного, а затем закопал. Я бы даже понял, если б она донесла на меня именно в таком

контексте: мой гражданский муженек, дескать, спятил и уколошил нашего бывшего товарища. Но к чему эта белиберда с присвоением мне личности Носова? Неужели она не понимает, чем рискует? Ведь эту чушь можно разоблачить в два счета!

Вернее, это я так думал, что ее показания легко опровергнуть. Теперь уже сомневаюсь. Будь я на воле, этот вопрос был бы давно снят, решен. Окажись я на воле хоть на денек, даже на час! Но пока меня считают убийцей, это невозможно. Как я был бы счастлив, если бы мне сейчас требовалось доказать только одно: что не я убил Носова, а он сам застрелился. И что я виновен в одном – в абсолютно безрассудном, как теперь уже окончательно ясно, утаивании этого факта и закапывании трупа. Но нет, этого вопроса мне не хочется даже касаться, покуда меня принимают за Носова. Уже который день мне приходится из кожи вон лезть, чтобы доказать, что я – Уткин. И ничего, ничего, ничего не выходит.

Вот когда я по-настоящему пожалел, что остался без родных. И что столько лет считал самым родным своим человеком Аллу, которая в итоге поступила со мной так, как нельзя поступить и с худшим врагом, а не то что с другом, любовником, сожителем и режиссером.

Даже не знаю, чего я ожидал меньше: того, что мне когда-нибудь придется доказывать свою истинную личность, или того, что меня предаст Алла. Любое из вышеперечисленного еще недавно показалось бы мне абсолютно безум-

ным. А сейчас со мной произошло и то и другое. Я как будто в романе Кафки оказался.

Из-за полнейшей абсурдности происходящего я даже не могу как следует собраться с мыслями. И на допросах вечно говорю не то, что надо. Впрочем, моего горе-следователя, кажется, никакими доводами ни в чем не убедишь.

А тут он еще психиатра хочет ко мне направить. Я сначала отбрыкивался, но теперь думаю: может, оно и к лучшему? Если этот психиатр окажется хоть немного более вменяемым, чем следователь, у меня еще остается шанс на то, что все образуется.

Я уже даже согласен быть обвиненным в убийстве Носова – вот до чего дошел. Главное, что Носова, а не самого себя. Умереть (или навеки поселиться в тюрьме, что еще хуже) за ложное убийство себя – это, как я теперь ясно вижу, самое кошмарное, что только с кем-либо может случиться.

Если следователь мне завтра скажет: «Уткин, вы обвиняетесь в убийстве Носова», – я его просто расцелую. Но продолжать «быть Носовым» (да еще, возможно, и умереть в этом качестве) – от такого увольте. Готов на все и согласен на все, лишь бы этот абсурд закончился.

Сегодня с утра я уже морально готовился к встрече с психиатром, но пришлось вновь беседовать с дураком-следователем. Он, видите ли, вознамерился «дать мне еще один шанс». Из самых, конечно, благородных побуждений, исту-

кан чертов.

– Ну-с, Носов, – вновь начал он свою постылую шарманку. Впрочем, тут же сделал выразительную паузу. Кажется, ждал, что я привычно стану возражать против называния меня этой мерзкой фамилией.

Но я уже устал это делать – и промолчал. Следовательно расценил мое безмолвие по-своему.

– Ага, – обрадованно констатировал он, потирая ладони. – Вспомнили все-таки?

– Что вспомнил? – угрюмо промычал я.

– Свою настоящую фамилию.

– Я ее и не забывал.

– И как же вас зовут?

Нет, он явно издевается.

– Ут-кин, – по складам отчеканил я.

– Та-ак, – протянул следователь. Глупая ухмылка тотчас слетела с его лица. – Стало быть, ничуть не одумались? Продолжаете стоять на своем?

– А зачем мне отступаться? – пожал я плечами. – Тем более не от чего-то, а от правды.

– Ну что ж, ваше право, – сквозь зубы процедил следователь. – Право, а не правда! – подчеркнул он. – Ваше право – лгать. Только это, как я уже говорил...

– Послушайте меня, – устало перебил я. – Не я лгу – а меня оболгали. Почему вы не можете этого допустить? Почему считаете, что лгу именно я?!

– Вы на кого намекаете? – сухо спросил следователь.

– Известно на кого – на гражданку Лавандову.

– Ну хватит, Носов, – поморщился он. – И как у вас только совести хватает?.. Алла Лавандова – известная актриса, заслуженная артистка РСФСР. Вы рядом с ней – просто никто.

«Знал бы ты, – с горечью подумал я, – что она исключительно благодаря мне получила это звание. Вот без меня она действительно была бы никто».

А вслух сказал:

– Гражданин следователь, а вот мне всегда казалось, что у нас все люди равны. И что в таких делах, как преступления, тем более никому не должны застить глаза чьи-то там звания и заслуги...

– Вы меня учить вздумали? – со злостью прошипело мне это должностное (но такое неумное) лицо. – И перестаньте-ка глумиться над нашими порядками. А не то...

– Что – еще и антисоветскую агитацию хотите мне пришить? – окончательно разозлился я.

– Носов, вы просто шут гороховый, – покачал головой следователь. – В общем, с вами все ясно, – махнул он на меня рукой. – Думаю, больше мы не увидимся.

Этого я совсем не ожидал.

– Как? – воскликнул я. – Что – следствие уже закончено?

– Приходится заканчивать, – развел руками следователь. –

Из вас же ни одного толкового слова не вытянешь.

– И поэтому, значит, вы сами решили все вот это приду-

мать? – бросил я гневный взгляд на свое, по-видимому, дело, лежавшее перед ним на столе.

– Мы здесь ничего не придумываем, – уже даже не повышая голоса, возразил следователь. – Основываемся только на фактах и показаниях. Ваши показания, как вы сами понимаете, в расчет принимать не приходится...

– А показания Лавандовой, значит, приходится? – выкрикнул я.

– А как же! – с еще более ледяным спокойствием ответил мне следователь. – Вы вообще знаете что-нибудь о том, как ведется следствие? Проводится сбор улик, опрашиваются свидетели...

– Улики могут подбросить, – тоже стараясь говорить спокойно, вставил я. – А свидетели могут врать.

– Могут, – неожиданно согласился следователь. – Но тут всегда возникает вопрос: зачем? Если Алла Лавандова, по-вашему, дает ложные показания, то какую выгоду она этим преследует?

Тут я призадумался. Словно и не ожидал, что мне – именно мне – придется отвечать на этот вопрос. Но ведь не на этого же горе-следопыта здесь рассчитывать.

– Этого я пока сам не понимаю, – с неохотой, но все-таки сознался я.

– Вот видите, – вновь возликовал следователь. – Не понимаете... Вернее сказать – вы просто даже не можете этого придумать. То есть того, зачем бы Алла Лавандова стала на-

зывать вас чужой фамилией.

– Хорошо, хорошо, – закивал я. – Мне вы не верите – ей верите. Но если кто-то еще опознает меня как Уткина, что вы тогда скажете?

– Смотря кто именно опознает, – вздохнул следователь и посмотрел на меня с таким видом, будто хотел сказать: «как вы мне надоели».

– Да кто угодно, – заволновался я, – кто угодно опознает меня как Уткина.

– Это не ответ, – покачал головой следователь. – И вспомните-ка: еще несколько дней назад вы сами указали именно на артистку Лавандову как на того человека, который сможет вас опознать. А она назвала вас Носовым.

– Гражданин следователь! Ну подумайте сами: зачем бы я так стал настаивать на том, чтоб меня опознала Лавандова? Для меня оказалось полной неожиданностью то, что она назвала меня Носовым!

– А я расценил это так, – строгим тоном возразил следователь, – что вы просто решили дополнительно поглумиться над бедной женщиной. Сначала убили ее... скажем так, мужа, а потом еще и устроили весь этот цирк.

– Да зачем мне устраивать цирк?! – взорвался я.

– Да затем, – повысил голос и следователь, – что таким образом вы мстите всему миру. Ваша жизнь не удалась, вы поняли, что она кончена, – и вот нашли своего бывшего одноклассника, который очень преуспел, и убили его! Поступи-

ли, одним словом, как подлец и Герострат¹.

– Я не сомневаюсь, что вы еще будете горячо извиняться передо мной за все эти слова, – с горечью сказал я.

– А я не сомневаюсь, что вам дадут высшую меру, – парировал следователь. – Чья, думаете, возьмет? Ваша? Как бы не так!

– Вызовите другого свидетеля, – предельно серьезно попросил я. – Я Уткин, и меня может опознать любой – любой из тех, кого я знаю, с кем работаю.

– Вы давно уже нигде не работаете, Носов, – поморщился следователь.

– Вызовите, – настойчиво повторил я. – Вызовите кого-нибудь из моих знакомых. Как вы можете отказывать мне в этой просьбе?

– Зачем я буду беспокоить людей! – фыркнул следователь. – Я ведь заранее знаю, что вы попросту продолжаете свой балаган.

– Одного свидетеля! – уже натуральным образом стал умолять я. – Одного! И все ваше следствие относительно меня немедленно рассыплется. Я понимаю, вам этого не хочется...

– Ну хватит, – поморщился мой невразумительный визави. – Вы что – на слабо меня собрались взять?

¹ Герострат – уроженец греческого города Эфеса, который в IV веке до н. э. сжег храм богини Артемиды, чтобы прославиться. В результате его имя было покрыто позором, но сохранилось в веках.

– Я прошу дать мне еще один шанс подтвердить мою личность, – сквозь зубы протянул я, боясь, что сейчас зарыдаю.

– Э-эх, – произнес следователь. – Вот говорили мне, что я слишком мягкотелый для этой работы... Ладно, Носов, будь по-вашему. Вызову для вас еще одного человека, чтобы он вас опознал. Проведем эту бессмысленную процедуру, а потом пеняйте на себя. Дело будет закрыто... Хотя я на вашем месте прямо сейчас во всем сознался бы и раскаялся. Подумайте, Носов, ведь на кону ваша жизнь!

– Значит, одного последнего свидетеля, – прошептал я, не слушая его последних смехотворных призывов. – Только одного? – вскинул я на следователя тревожные глаза. После предательства Аллы я уже начал сомневаться, могу ли вообще хоть кому-то доверять в своей жизни.

– Одного, – отрезал следователь. – Я уже вижу, вам только дай волю...

– Хорошо-хорошо, одного, – скрепя сердце согласился я. А сам принялся судорожно размышлять. Кто же именно станет этим «одним»? Кого мне назвать? Кого?..

Уж конечно, не Лунгина и не Нусинова... Может, Гребнева? Гм, ну а почему именно из сценаристов?.. Да потому, что коллег-режиссеров точно не стоит звать. Мало ли что они наплетут про меня. Никому из них нельзя доверять. Сценаристы – другое дело. Они ради того, чтобы их побрехушки пошли в дело, удавятся. Вообще паршивый, конечно, народ сценаристы, ну их... Актеры? Тоже ненадежные. Если даже

Алла... Впрочем, о ней я теперь и думать не хочу.

Конечно, хорошо было бы позвать сразу директора. Сизова. Если б он опознал, меня бы, думаю, немедленно выпустили. Но Сизов меня не переносит. Если он увидит меня в тюрьме, то никогда этого не забудет. И это станет для него отличным поводом выжить меня из кино.

Так кого же, кого же? Разве что... Ну да, конечно! Фигуркина. Кого же еще? Уж от него-то точно не следует ждать никаких вывертов. По той простой причине, что ему самому чрезвычайно выгодно, чтобы я оставался Уткиным, оставался на воле и работал с ним на одной студии. Он же без меня ни одного фильма не в состоянии нормально закончить. Только благодаря моему дару виртуозного монтажера из того баракла, которое он снимает, получается вылеплять хоть сколько-нибудь сносную продукцию.

Окончательно утвердившись в верности найденного решения, я с триумфом обратился к следователю:

– Фигуркин!

– Что-что? – поднял он на меня глаза от протокола, который сейчас заполнял.

– Вызовите режиссера Фигуркина, – мой голос наконец зазвучал громко и ясно. – Это мой коллега с «Мосфильма». И тогда вы убедитесь, кто я на самом деле.

– Ну-ну, – скептически отозвался следователь. – Значит, Фигуркин? – переспросил он и записал фамилию на бумажке. – Ладно, придется побеспокоить товарища Фигуркина.

Но уж потом, Носов, даже не заикайтесь ни о каких дальнейших опознаниях.

– Не беспокойтесь, – самоуверенно улыбнулся я, даже не реагируя на «Носова». – Не заикнусь.

– Вы обещали, – следователь направил на меня указательный палец и выразительно посмотрел мне в глаза.

Следующим утром меня разбудило привычное гроыхание. Открывали мою камеру.

– Идемте, – как всегда, сказал мне молодой... кто он там, старшина, или пес его знает.

Я как никогда с радостью поднялся с нар и, заложив руки за спину, вышел из камеры.

«Идем! Идем! – стучало у меня в голове. – Идем на опознание! Сейчас меня наконец назовут тем, кем я действительно являюсь! И уже никто больше и никогда не посмеет опровергать этот факт!»

Войдя в до боли знакомый следовательский кабинет, я тотчас узнал того второго, кто там находился:

– Фигуркин!

– Устин, – приподнялся мне навстречу нелепый увалень. Никогда я не был так рад его видеть, как сегодня.

– Как-как вы сказали? – опешил следователь. – Как вы называли подследственного?

– Устин, – повторил Фигуркин.

Следователь от изумления тоже встал.

– То есть... как это? – растерянно произнес он, во все гла-

за глядя на Фигуркина.

– Да вот так: Устин, – в третий раз назвал меня моим именем драгоценный недотепа. – Устин Уткин.

У следователя даже рот открылся от изумления – и, как видно, пропал дар речи. Он еще долго стоял на месте, вертя головой: с Фигуркина на меня – и обратно. Я испытывал неизъяснимое блаженство при виде этой картины.

А затем я проснулся.

Увы, сон не оказался вещим. Мне приснилось то, что должно было произойти в реальности. Но я, по-видимому, попал в какой-то ночной кошмар, от которого все никак не могу пробудиться.

В общем, произошло следующее. Следователь действительно вызвал Фигуркина, но тот пришел не утром, как мне снилось, а лишь после обеда. Тем не менее в кабинет к следователю я, как и во сне, вошел с полной уверенностью в том, что сейчас выяснится моя личность – и мое дело примет совсем другой оборот. Опять же, точь-в-точь как во сне, я сразу узнал Фигуркина. Он даже сидел на том самом месте, что и в моем сне.

Но совпадения на этом закончились. Как только Фигуркин увидел, в свою очередь, меня, он тут же отвел глаза. В моем мозгу моментально мелькнула мысль, что это не предвещает ничего хорошего.

– Товарищ Фигуркин, – обратился следователь к моему калечному (в творческом плане) коллеге. – Посмотрите вни-

мательно на подследственного. Вы его узнаете?

Фигуркин бросил на меня короткий несмелый взгляд, тут же снова отвел глаза – и перевел их на следователя:

– Узнаю.

Мое сердце забилося сильнее. Сейчас, сейчас он скажет, кто я на самом деле. А глаза он отводит понятно почему. Думает, что я убийца. Ха-ха.

– Так кто же этот гражданин? – небрежно кивнул следователь в мою сторону.

– Это гражданин... – начал Фигуркин и сглотнул: – Гражданин Носов, – еле слышно прошептал он.

– Что?! – напротив, заорал я. – Фридрих, опомнись! Что ты несешь?

– Тихо, Носов! – Следователь стукнул кулаком по столу. – Все, опознание произведено. И я вам этого не забуду, учтите. Вы последовательно пытаетесь превратить следствие в фарс! Но на этом хватит!

– Нет, это не я устраиваю фарс! – со злостью парировал я. – Это вас водят за нос, как вы не поймете... Я не знаю, что Алла наговорила этому идиоту, – ненавидящим взглядом посмотрел я на Фигуркина, – но только он, как и она, нагло лжет вам в глаза! А вы и верите!

– Молчать! – вне себя от ярости крикнул следователь. Я еще никогда не видел его таким. – Товарищ Фигуркин, – совсем другим тоном обратился он к подлецу, – я приношу вам свои извинения за беспокойство и за то, что вам пришлось

выслушать эти оскорбления... Наш подследственный, видите ли... Скажите, вы же с ним вместе учились?

– Да, – кивнул Фигуркин. На этот раз его голос зазвучал увереннее, поскольку в данном случае он сказал правду.

– И что – во время учебы он был такой же?

– Он был... – снова замямлил Фигуркин. – Извините, я не помню, – в конце концов с виноватым видом развел он руками.

– Впрочем, это уже неважно, – махнул следователь рукой. – Сейчас уведут нашего постыдного циркача, – он, сморщившись, посмотрел на меня, – и вы тоже сможете идти.

В дверях появился старшина, и я встал со стула.

– Фигуркин, я тебе этого никогда не прощу, – прошипел я напоследок.

Эта сволочь снова отвернулась, а следователь опять фыркнул:

– Замолчите вы уже, Носов... Вы бы знали, как я рад, что больше вас не увижу, – добавил он с явным облегчением.

Пока я шел до своей камеры, то вроде бы еще не понимал, что случилось. Но лишь только за мной заперли дверь, я ощутил такой ужас, который не испытывал еще никогда в жизни. Я и представить себе не мог, что хоть с кем-то могут поступить так, как поступили со мной. А уж то, что так поступят не с кем-нибудь, а именно со мной, доселе не могло привидеться мне даже в гриппозной горячке...

Морально я уже готовился к суду. Может, там наконец все выяснится? Ведь кто-то из моих знакомых должен прийти на суд. Кто-то кроме Аллы и Фигуркина...

Понятно, все думают, что я мертв. И что меня убил бывший однокашник Носов. Вот и любопытно, придет ли кто-нибудь поглазеть на этого Носова? Как бы мне ни хотелось, эта возможность, пожалуй, маловероятна. Допустим, я узнаю, что моего коллегу убили. Пойду ли я на суд над его убийцей (если только меня не вызовут как свидетеля)? Ответ: конечно, нет. И думаю, что так ответит любой нормальный человек. Так что даже на суд особо рассчитывать не приходится. Разве что в Фигуркине там разыграет совесть... Но нет, для него обратной дороги нет. Равно как и для Аллы.

Однако на следующий день после паскудного «опознавания», совершенного Фигуркиным, ко мне все-таки направили психиатра. Видимо, следователь не смог до конца выдержать твердость характера и вновь проявил мягкотелость. Или, может, какой-то вышестоящий начальник настоял на экспертизе.

– Здравствуйте, – со слабым подобием улыбки сказал вошедший в мою камеру пожилой человек в очках. – Меня зовут Филипп Филиппович. А вас как?

– Устин Ульянович, – ответил я ему в тон.

– Что ж, давайте разберемся в этом, – вздохнул Филипп Филиппович, присаживаясь на табурет.

– В чем именно? – усмехнулся я, по-прежнему лежа на

нарах.

– В том, действительно ли вас зовут Устин Ульянович.

– Понятно, – выдохнул я. – Вы психиатр?

– Как вы догадались? – вскинул брови Филипп Филиппович.

– Доктор, – произнес я, тоже принимая сидячее положение, – вы пришли проверить, являюсь ли я ненормальным, верно? Но, кажется, о моем слабоумии речь не идет, так?

– К чему это вы? – не понял врач.

– Ну кем вы еще можете быть, если не психиатром? Тут и ребенок сообразил бы.

– А, вот вы о чем, – наконец уразумел Филипп Филиппович. – Да, вы правы, слабоумным вас действительно не назовешь. Это я понял еще по вашему делу.

– А со следователем тоже беседовали?

– Безусловно.

– И вы согласны с его версией?

– Версией чего?

– Того, что я не тот, за кого себя выдаю.

Доктор замялся:

– Мм... собственную оценку мне выносить еще рано...

«А может, это мой шанс?» – немедленно подумал я и решил дополнительно прощупать доктора.

– Филипп Филиппович, но если откровенно? – Мой голос невольно начал дрожать. – Вы ознакомились с делом, поговорили со следователем... Что вы думаете?

Снова помешкав, психиатр произнес:

– Что ж, если откровенно... Если откровенно, у меня пока имеются две версии. Либо вы симулируете, то есть притворяетесь, либо нет.

Я не верил своим ушам:

– То есть... вы не исключаете, что я говорю правду, а следствие заблуждается?!

– Если продолжать говорить откровенно, – стал тянуть слова Филипп Филиппович, – то... я не вижу в следствии по вашему делу чего-либо ошибочного...

– Но вы сами сказали, что я, на ваш взгляд, возможно, и не притворяюсь!

– Вы меня не так поняли, – чуть поморщился психиатр. – Я имел в виду, что вы, *возможно*, притворяетесь шизофреником. А *возможно*, что и на самом деле являетесь им.

Словами не описать, как я был разочарован в этом объяснении. У меня не нашлось никаких слов ответить. Я просто-напросто снова лег на спину и закрыл ладонями лицо.

Где-то с минуту в моей камере стояла абсолютная тишина. Я лежал с закрытыми глазами, и Филипп Филиппович не издавал ни звука.

Наконец он протяжно вздохнул и спросил:

– Вы не хотите говорить со мной?

– Не вижу смысла, – ответил я, не открывая глаз.

– Почему не видите? – тихо промолвил он.

Я, выражая недовольство, выдохнул и вернулся в сидячее

положение:

– Вы думаете, что я либо симулянт, либо больной. Но ни то ни другое не является правдой. Зачем же мне с вами хоть о чем-то беседовать, если заранее понятно, что вы не встанете на мою сторону?

– Или на сторону правды? – быстро спросил Филипп Филиппович.

– В данном случае это одно и то же, – махнул я рукой.

– Вы напрасно считаете, что я заведомо окажусь не на вашей стороне, – помолчав, продолжал доктор. – Если ваш раскусок действительно помрачен, то, поверьте, я удостоверю этот факт. Я независим в вопросах психиатрии, и здесь никто не может на меня повлиять.

– Да не помрачен мой рассудок, не помрачен! – в отчаянии простонал я. – В этом-то все и дело!

– Знаете, в чем главная специфика душевных болезней? – неожиданно спросил Филипп Филиппович. – То есть в чем их отличие от болезней более привычных – физических?

– Ну и в чем же? – хмыкнул я, с неохотой втягиваясь в продолжение разговора.

– В том, что страдающий от физической болезни, как правило, знает, что болен, соглашается с этим фактом. Человек же душевнобольной практически никогда не признает наличие у себя заболевания. По крайней мере, до какого-то момента.

Я презрительно фыркнул:

– Намекаете, что я больной на голову и не знаю об этом?

– Все может быть, – спокойно ответил доктор.

– Филипп Филиппыч, это чушь! Как вы себе это представляете? Я заболел – и стал считать себя не тем, кем являюсь на самом деле?!

– Такие случаи весьма распространены, – сказал он тоном знатока.

– Да, но я прекрасно помню всю свою жизнь! Жизнь Уткина, а не Носова, понимаете?!

– Вы могли изучить чужую жизнь, – с тем же почти издевательским спокойствием продолжал психиатр. – Тем более что речь идет об известном человеке.

– Ну и как это тогда?.. – взмахнул я руками, с досадой сознавая, что диалог с психиатром меня разволновал. – Как это возможно?.. Я изучил чужую жизнь перед тем, как заболеть и представить себя на месте другого? Так, что ли?!

– Вы могли изучать не намеренно, не для того, чтобы, как вы выразились, заболеть. Вас просто мог на протяжении многих лет интересовать известный кинорежиссер Уткин. Тем более что когда-то вы с ним вместе учились...

– Доктор, – взмолился я, – вы уже поставили диагноз – или как вас понимать? Я и есть Уткин!

– Диагноз поставим позже, – ласково сказал Филипп Филиппович. – Вот еще немного поговорим и...

– Филипп Филиппыч! – перебил я. – Скажите прямо: вы считаете, что я Носов, и переубеждать вас в этом бессмыс-

ленно?

– Вы действительно Носов, – немедленно произнес он. – Хотя я допускаю, что сами себя вы им не считаете.

– Это просто бред, – со злостью прошипел я.

– Мой бред? – уточнил доктор.

– Видимо, ваш, раз вы психиатр! Говорят же, что все психиатры – сами психи...

– То есть в существование психических заболеваний вы, по крайней мере, верите?

– Ну, видимо, они бывают, – пожал я плечами.

– А я вам как специалист говорю, что они не только бывают, – самым резонным тоном молвил Филипп Филиппович, – но и могут поразить фактически любого. Да, в том числе и психиатра. Но чаще все-таки в лечении нуждаются пациенты, а не врачи, – развел он руками, словно отчасти сожалел о таком положении вещей.

Вот уже несколько дней я по многу часов разговариваю с Филиппом Филипповичем. Он все-таки втянул меня в свои сети. Более того – он заронил в меня искру сомнения. Небольшого, крохотного, но все-таки сомнения. Я действительно слегка стал сомневаться в том, кем являюсь на самом деле. Иногда я как будто прихожу в себя и говорю себе же: «Нет, это невозможно! Пора кончать с разговорами! Он очень убедительный, этот доктор, он профессионал. Вот он и запудрил мне мозги. Как я могу хоть на секунду усомниться

в том, кто я есть?! Я Устин Уткин – и точка!»

Но это чувство, к сожалению, быстро проходит. Чаще всего я теперь занимаюсь в одиночестве тем, что представляю себя Носовым. Могу ли я им быть? Возможно ли это? Доктор уверяет, что возможно. Я не верю, а он только кивает: правильно, вы и не должны верить, вы ведь больны. А тот факт, что люди сходят с ума, нельзя отрицать. Иногда действительно сходят. Все об этом знают. Так, может, я и впрямь – сошедший с ума неудачник Носов, возомнивший себя успешным Уткиным? И на этой же почве его и убивший? Доктор говорит, что такое бывает. Реально случившееся полностью вытесняется из головы бредовой галлюцинацией, иллюзорным воспоминанием, которое воспринимается больным как абсолютно подлинное.

И на все мои слова у этого Филиппа Филиппыча есть ответ, буквально на все. Когда я говорю, что помню во всех подробностях свою многолетнюю совместную жизнь с Аллой, он возражает:

– На протяжении этих самых многих лет вы лишь фантазировали о том, как бы вы жили с ней. На деле вам это не удалось. И это, вероятно, стало одной из причин вашего заболевания.

Короче, он уже не сомневается, что я больной. И своей железобетонной уверенностью заставляет сомневаться и меня.

В этой безумной ситуации есть один только плюс: смерт-

ная казнь мне уже не грозит. Грозят годы лечения в психушке, но это вроде бы можно пережить. Доктор уверяет, что можно. Хотя и не скрывает, что люди редко выходят оттуда полностью выздоровевшими. Если вообще когда-нибудь выходят.

Подумать только, я – спятивший Носов! Настолько влезший в шкуру Уткина, что полностью поверивший в целиком придуманную чужую жизнь!

– Филипп Филиппыч, – спросил я сегодня доктора, – а как вы думаете... если я действительно Носов, то когда я... когда перестал считать себя Носовым и стал считать Уткиным?.. Одним словом, когда именно я спятил?

– Думаю, именно в тот момент, когда вы убили Уткина, – со своим неизменным ледяным спокойствием ответил психиатр. – Вас настолько шокировало собственноручно совершенное злодеяние – вероятно, первый в вашей жизни по-настоящему ужасный поступок... В общем, это убийство вас настолько потрясло, что ваша психика в целях элементарной самозащиты перестроилась. И в ту же минуту вы уверились в том, что вы – Уткин, стоящий над трупом покончившего с собой Носова.

– Я готов был бы полностью в это поверить, – дрожащим голосом ответил я, – если бы только мне предоставили хоть одно доказательство того, что я – этот самый Носов.

– Боюсь, на данный момент вы можете признать этот факт только путем логических умозаключений, – сказал доктор. –

Но если вы это сделаете, то, уверяю вас, рано или поздно вы вспомните все, что произошло. Осознаете себя Носовым – и вылечитесь.

– А если я... только притворюсь, что осознал? – спросил я. – Чтобы выйти на свободу.

– Меня вы так не проведете, – самодовольно улыбнулся Филипп Филиппович. – Да и любого другого хорошего специалиста – тоже.

Из этой затянувшейся, не знаю даже на сколько дней, психотерапии меня внезапно вытащил визит Аллы. Ее посещение было, мягко говоря, как ушат ледяной воды. Да, она пришла ко мне на свидание. Чего я меньше всего ожидал.

Я еще подумал, когда меня только к ней вызвали: если она начнет разговор в духе «Носов, как ты мог так поступить?», мое сопротивление доводам Филиппа Филиппыча окончательно будет сломлено.

Но разговор пошел совсем по-другому – с первой же фразы Аллы, даже с первого произнесенного ею слова...

Сначала она молчала, и я тоже. Через полминуты она выразительно посмотрела на охранника, стоявшего совсем рядом со мной.

– Хотите поговорить с ним наедине? – вежливо поинтересовался охранник у наверняка известной ему актрисы.

Алла кивнула.

Придя со мной в комнату для свиданий, охранник первым

делом нацепил на меня наручники. Меня это огорчило. Они думают, что я наброшусь на Аллу и попытаюсь ее задушить? И вообще чье это указание – следователя или доктора?

Теперь же я думаю, что Алла сама попросила надеть на меня эти отвратные кандалы. И благодаря им охранник без всяких опасений вышел из комнаты, оставив меня с Аллой тет-а-тет.

Наручники были замкнуты на мне сзади. Крайне неприятно общаться с кем-нибудь в таком унижительном, скованном положении. Не говоря уже о том, что попросту сидеть так неудобно.

Я терпеливо ждал, пока Алла заговорит первой. А она тихо произнесла:

– Уткин...

Явно обращается ко мне... Что же это? Как ее понимать? Она решила все-таки прекратить свой оговор? Совесть замучила?

Но все оказалось для меня куда более плачевно.

– Уткин, – еще раз сказала Алла, – я пришла сообщить тебе, что безумно рада... безумно рада твоему краху. Я счастлива, что мы в итоге с тобой расквитались... пусть даже такой огромной ценой.

– Со мной расквитались? – ошарашенно повторил я. – Кто расквитался?

– Прежде всего я и Нестор, – ответила она. – Но я знаю, что и многие другие испытали большое облегчение, услышав

о твоём конце.

– Ты и Нестор? – переспросил я. – Ты о Носове? Вы с ним... расквитались со мной?! Алла, этого не может быть! Ты врешь мне! Зачем ты мне врешь?! Алла, зачем? Зачем ты устроила со мной эту метаморфозу?

– Затем, что я тебя ненавижу, – прошипела она точь-в-точь так же, как тогда на допросе у следователя. Только там мы были не одни, поэтому она называла меня Носовым. А сейчас говорит то же самое уже напрямик, поскольку мы без свидетелей. Обращается ко мне как к Уткину... Поскольку я, разумеется, и есть Уткин!

Ну надо же, а я чуть не поверил шарлатану-доктору! Они меня чуть с ума не свели на пару со следователем!

Но все же как это понимать? Она меня ненавидит? Меня, своего гражданского мужа? Режиссера, прославившего ее на весь Союз? Это какой-то бред.

– Алла, – с усилием произнес я, – за что... за что ты меня ненавидишь?

– Ты сломал жизнь Нестору, – прошептала она со слезами на глазах. – А заодно и мне.

Я был ошарашен. Она сейчас не играет. Я прекрасно могу отличить, когда она играет, а когда говорит искренне.

Меня поразило это еще в кабинете у следователя. Она там сказала: «Ненавижу тебя, Носов!» – с абсолютной искренностью. Может, шоковое воспоминание об искренности этих ее слов и заставило меня чуть не поверить в то, что я и впрямь

– Носов. Но теперь сомнений не остается: я Устин Уткин, и Алла Лавандова меня ненавидит. Еще одна вариация затянувшегося кошмара, в который я угодил.

– Алла, – произнес я как можно спокойнее, – объясни, пожалуйста, подробно, что значит «расквитаться»? Как понимать твои слова? Это какая-то месть? Месть – мне?!

– Ты всегда был тугодумом, – усмехнулась Алла. – А то бы давно уже все понял сам. Особенно после того, что я тебе сейчас сказала.

– А что ты сказала? Ты сказала, что вы вместе с Носовым со мной расквитались. Но ведь это же чушь! Носов мертв!

– Я же уточнила, что мы расквитались с тобой «огромной ценой», – напомнила она.

– Ценой его смерти, что ли?! – воскликнул я.

– Именно, – злорадно прошептала Алла.

Я нервно оскалился:

– Ну хорошо, он псих, это я могу понять. Я так сразу и подумал, кстати, что он покончил жизнь самоубийством специально, чтобы насолить мне. Но, Алла, ты-то здесь при чем? Какое ты можешь иметь отношение к этому идиоту? Мы не виделись с ним сто лет.

– Говори за себя, – спокойно произнесла она. – Ты не виделся с Нестором сто лет. А я в последнее время виделась с ним очень часто.

Я не верил своим ушам:

– Виделась? Где? Как?

Алла выдохнула и покачала головой:

– Все-то тебе надо разжевать. Так вот слушай: Нестор был моим любовником.

– Был, – сипло повторил я. – А когда стал?

– В этом году.

– Но... разве он был в Москве?

– Естественно, ведь я, как ты знаешь, из Москвы почти никуда не уезжала.

Я все не мог поверить:

– Нет, ты говоришь так нарочно. Этого не может... Он же вскоре после учебы укатил в свой Копейск – или куда там...

– Укатил, – подтвердила Алла. – Из-за тебя, скотина. Ну а в этом году он объявился в Москве. Уже из-за меня.

– Слушай, я сейчас действительно перестану хоть что-то соображать. Все, что ты говоришь, – это какое-то безумие! Ему, Носову, из-за меня пришлось уехать?! Из-за меня?! То есть это я, оказывается, виноват в том, что он такой бездарный?!

– Ты прекрасно помнишь, что он не был бездарным, – сквозь зубы процедила Алла.

– Даже если допустить, что это так, – отмахнулся я, – кто тогда помешал ему утвердиться в профессии? Опять я? Палки ему в колеса ставил? Даже если бы я этого зачем-то хотел, я бы не смог! Кто я такой был? Выпускник ВГИКа, как и он. Мы все были на равных...

– Ты забыл самое главное, – чеканя каждое слово прого-

ворила Алла. – Ты лишил его меня.

– Ах вот оно что! Ну так тебе самому себя и следовало винить! Ты ведь не больно-то сопротивлялась, когда я якобы забирал тебя у него!

– Я была совсем глупой, наивной, ты заморочил мне тогда голову. А для Нестора мой уход к тебе стал трагедией всей его жизни. Я слишком поздно это поняла, слишком поздно осознала, какую непоправимую ошибку совершила.

– Какой изумительный текст, – нашел я в себе силы сыронизировать. – Это не он тебе его написал перед смертью? Не Носов?

– Замолчи, – брезгливо прошептала Алла. – Ты всегда был такой. Для тебя нет ничего святого.

– Не то что для Носова, да?

– Да, он настоящий человек, – горячо произнесла она. – Только он мог сделать то, что сделал. Отомстить тебе ценой собственной жизни.

– И не без твоей, как теперь выясняется, помощи?

– Да, потому что я полюбила его. Ты понял? Когда мы с ним снова встретились в этом году, во мне впервые в жизни вспыхнуло настоящее чувство... То есть оно зажглось уже давно, но именно тогда я впервые поняла, что всю жизнь любила только одного человека. Нестора.

Ко мне вновь вернулось ощущение полной нереальности происходящего. Казалось, что еще такого шокирующего я могу услышать после того, что слушаю уже на протяжении

нескольких недель – от следователя, от психиатра... И вот сейчас Алла говорит мне то, во что невозможно, просто невозможно поверить. И все-таки я не могу ей не верить. Как ни ужасно, ее шокирующие, мучительные для меня откровения стали тем объяснением, которого я так давно ждал. Объяснением, которое наконец позволило мне понять, что со мной произошло, и которое дало мне возможность убедиться, что я не сумасшедший. Конечно, нет. Как я только мог сомневаться в этом... Заподозрить, что я сам и являюсь гнусным подлецом Носовым. Впрочем, тюрьма, пожалуй, может сделать с человеком и не такое.

Но все-таки оставались в объяснении Аллы еще некоторые пробелы, которые я решил немедленно восполнить.

– Послушай, – я старался говорить спокойно, сдержанно. В эту минуту я понял, что мне уже ничего не нужно от этой женщины, только услышать всю правду до конца. – Послушай, если ты его так оценила и полюбила, то что тебе мешало уйти к нему и обрести наконец-то счастье?

Алла закусил губу:

– Конечно, я мечтала об этом. Но это было уже невозможно. Нестор стал сломленным человеком. Все, что у него было, – это безграничная любовь ко мне.

– Еще скажи, что это ты надоумила его сдохнуть, – я все-таки не смог сдержать злости.

– Покончить жизнь самоубийством была его идея. Я отговаривала Нестора. Но в конце концов он меня убедил. Ска-

зал, что все равно покончит с собой, но хотел бы напоследок отомстить мне. И этот довод меня убедил. Я согласилась, что за две разрушенные жизни – его и мою – ты должен поплатиться своей жизнью. Это справедливо, по-моему.

– Алла, – промычал я, – неужели ты впрямь считаешь, что я погубил твою жизнь? Я давал тебе такие роли, прославил тебя на всю страну.

– Мне это не нужно было, – отмахнулась она. – Ты же знаешь, слава меня никогда не интересовала. Я отношусь к своим ролям просто как к работе, которая не хуже и не лучше, чем любая другая. Притом что даже работать с тобой было тяжело. А уж жить с тобой...

– Так почему же ты давным-давно не ушла от меня?! – еле сдерживая гнев, спросил я. – Если в твоей жизни все было так плохо, не надо было ни сниматься у меня, ни тем более жить со мной!

Алла покачала головой:

– Все эти годы я себя уговаривала... Заставляла себя поверить, что у меня есть к тебе чувства, что я тебе нужна.

– Это правда, – перебил я. – Ты была мне нужна. До того момента, как предала, была нужна.

– Нет, – продолжала она качать головой, – тебе никто не нужен. Ты абсолютный эгоист. Нестор открыл мне на тебя глаза.

– Он тебя как будто загипнотизировал, этот кретин. Почему ты так охотно поддалась его влиянию? Тем более тогда,

когда он уже, видите ли, был полностью сломлен?!

— Потому что я поумнела, — тотчас ответила Алла. — На-конец-то я доросла до Нестора.

— И продолжала жить со мной, чтобы иметь возможность осуществить подлый план мести, рожденный в его больном сознании...

— Подло поступил ты! — отрезала она. — А Нестор, я считаю, поступил даже милостиво. Он подарил тебе десять лет спокойной, беззаботной жизни. Фактически он подарил тебе и меня.

— Какое великодушие! — с омерзением выговорил я. — Подарить, чтобы через десять лет отнять. Почему он именно в этом году-то сюда перебрался?

— Он остался совсем один, — с сожалением сказала Алла. — Все родственники умерли. У него осталась только я, вернее, воспоминание обо мне. Несмотря на все происшедшее, мой образ, как Нестор мне сказал, остался нетронутым в его сердце. По зову этого сердца он ко мне и приехал.

Меня уже начало тошнить от всей той пошлости, что наговорила мне Алла. Я хотел что-нибудь съязвить по этому поводу, но вдруг вспомнил о Фигуркине.

— А как же Фигуркин?! — воскликнул я. — Его-то ты как уговорила пойти на обман? Или и он был твоим любовником?

— Он тебя тоже не переносил — в этом все дело, — сухо сказала Алла.

– Да что ты! И он тоже?! Я готов допустить, что ему, как и тебе, не нужна была слава. Но работа ему в любом случае нужна! А без меня он бы уже давно не работал на «Мосфильме».

– Тебе, как вижу, даже в голову не приходило, что твое покровительство его тяготит, мучает. Ты бы видел себя со стороны – ты отвратительно обращаешься с окружающими! Особенно с теми, кто хоть немного от тебя зависит.

– Неужели я и с тобой обращался отвратительно?

– Конечно, – подтвердила Алла. – И даже не замечал этого. Ты уже давно не замечаешь, каким неприятным и отталкивающим стал.

– Стал?! Или был всегда?

– В общем, с самого начала было заметно, какой ты. А с каждым годом ты становился только хуже.

– Почему же ты никогда не говорила мне об этом?

– Говорила. Ты просто не помнишь. Ты всегда отмахивался и не желал поддерживать разговоры на эту тему.

– В любом случае Фигуркин сам бы не додумался назвать меня Носовым, да еще и перед следователем. Это ведь ты его уговорила?

– Уговаривать долго не пришлось, – усмехнулась Алла.

– Но как ты вообще узнала, что его сюда вызовут?

Она пожала плечами:

– Просто заранее знала, что его ты позовешь в первую очередь. Вот заблаговременно и сказала твоему Фигуркину, как

себя вести, если к нему обратится следователь.

– И ты была так уверена, что он тебя послушает?

– Да, у меня даже сомнений не было, – спокойно ответила Алла.

Меня ее слова разозлили.

– С какой стати такая уверенность? Ты с ним вообще никогда не общалась, а тут вдруг...

– Очередное твое заблуждение, – покачала Алла головой. – Ты всегда замечал только тех, кто тебе нужен, а таких, как Фигуркин, за людей никогда не считал.

– То есть ты с ним дружишь? – удивленно спросил я.

– Не так чтобы близко, но общаюсь.

– «Не так чтобы близко» – это как? – фыркнул я. – Тоже спишь с ним, но при этом переезжать к нему не планируешь?

– Твои оскорбления нисколько меня не задевают, – с нарочитым равнодушием произнесла Алла.

– А тебя вообще хоть что-то во мне задевает?

– Сейчас нет. Давно уже нет.

– Зачем же ты пришла ко мне? И рассказала все это? Ведь, получается, пожалела...

– Напротив, – в глазах Аллы снова вспыхнули искры ненависти. – Я хотела, чтобы ты хоть теперь понял, какой ты мерзкий тип, как неправильно и антиобщественно ты жил все это время.

– И только поэтому себя разоблачила? Чтобы, так сказать, раскрыть мне глаза?

– Что значит «разоблачила»? – поморщилась Алла. – Я изначально не думала от тебя скрывать правду. Рассказать тебе, что с тобой произошло, – это последняя стадия нашей с Нестором мести.

– А не боишься, что я передам наш разговор следователю?

– Кто же тебе поверит, – усмехнулась она.

Какая же она самоуверенная... Просто до неправдоподобия. Впрочем, и все, что она рассказала, звучит более чем неправдоподобно. Но вместе с тем я понимаю, что невозможно даже придумать никакого другого объяснения ее подлой клевете на меня.

Вместе с тем я подумал, что лучше пока не подавать вида, что я поверил, – и посмотреть, как она на это отреагирует. Важно ли Алле, чтобы я ей верил? Ведь зачем-то она сюда пришла, исповедалась передо мной.

– И все-таки я тебе не верю, – произнес я со всей убежденностью, которую смог изобразить. – У тебя нет никаких доказательств того, что дело обстояло именно так.

Алла пожала было плечами (мол, ей все равно, что я не верю), но вдруг сообразила.

– По крайней мере, одно доказательство у меня есть, – с нехорошей улыбкой сказала она, полезла в свою сумочку и тут же вытащила оттуда старую потрепанную тетрадь: – Мой дневник, помнишь? Никогда в него не заглядывал? А напрасно...

– Хочешь сказать, ты фиксировала все те мерзости, кото-

рые вытворяла? — хмуро поинтересовался я.

Алла показала на меня пальцем:

— Прежде всего те мерзости, которые вытворял ты. Но о том, что в подобного рода записях, ты и так знаешь... А вот послушай-ка, к примеру, вот эту... — Она перелистнула несколько страниц и, найдя нужное место, стала выразительно читать: — «Одиннадцатое апреля. Мы с Нестором поставили окончательную точку в разработке нашего плана. И хотя в соответствии с этим планом моему любимому придется умереть, я согласна с ним, что это будет не только красивая, но и необходимая смерть. Только так мы сможем расплатиться с общим предметом нашей ненависти. Мы обсуждали этот план во всех подробностях в течение пары часов. А потом занялись любовью. Еще никогда я не отдавалась Нестору с такой страстью. Несмотря на все то, что моему любимому пришлось пережить, в постели ему нет равных. Никакого сравнения с бесталанным и бесчувственным даже в этом отношении подонком Уткиным...»

Тут я сделал рывок вперед — такой сильный, что чуть не перелетел через стол. Однако не перелетел — и успешно схватил зубами то, на что нацеливался: ненавистную тетрадь с отвратительными каракулями паскуды, к которой я годами относился как к королеве.

Алла взвизгнула, вскочила, отпрянула — я же спокойно вернулся в исходное положение, выплюнул тетрадь под стол и крепко прижал ее ногой.

В комнату влетел охранник.

— Что такое? Что произошло? Что он сделал? — нервно заговорил он, переводя непонимающий взор с покрасневшейся Аллы, отбежавшей в дальний угол, на меня, невозмутимо сидевшего на своем месте.

— Позовите, пожалуйста, следователя, — ровным голосом обратился я к охраннику. — Я должен сообщить ему кое-что важное по моему делу. Это срочно! И очень важно! Пожалуйста, позовите.

Охранник недовольно поморщился, но потом посмотрел на Аллу — и его лицо приняло то привычное выражение безграничного почтения, с каким простой люд взирает на киноартистов.

— Прошу вас, товарищ Лавандова! — галантно распахнул он перед ней дверь.

Алла быстрым шагом прошла мимо, не удостоив меня взглядом.

Я думал, она захочет вернуть свой дневник, но об этом она и не заикнулась. Она как будто даже сейчас не сомневается в своей победе. Словно на сто процентов уверена, что охранник следователя не позовет, а если и позовет, то тот не придет.

Однако уже через несколько минут следователь заявился в комнату для свиданий.

— Что у вас опять, Носов? — недовольно молвил он.

— Гражданин следователь, возьмите, пожалуйста, тетрадь-

ку, что лежит на полу, – с преувеличенной вежливостью попросил я.

Он нахмурился, но поднял тетрадку – и стал ее перелистывать.

– И что это такое? – брезгливо обратился он ко мне.

– Дневник гражданки Лавандовой, в котором она признается в своих преступлениях, – отвечал я.

– Товарищ Лавандова? – немедленно подал голос следователь. Вошла Алла, и он подал ей тетрадь: – Возьмите, это, кажется, ваше.

– Что вы делаете? – заволновался я. – Говорю вам: это ценная улика! Ее надо приобщить к моему делу, а саму Лавандову арестовать! Вы только прочтите, что там...

– Товарищ следователь, он опять идиотничает, – скорбно произнесла Алла. – Это всего лишь конспекты моих ролей, которые он у меня зачем-то вырвал. Покажите их уже ему, чтобы он успокоился.

Следователь грубо пихнул тетрадку мне под нос – и стал ее перелистывать перед моими глазами:

– Ну что, Носов, опять у вас галлюцинации? Вам мало того, что наш психиатр поверил в вашу болезнь? Или это средство подкрепить сомнения Филиппа Филипповича?... А вам, товарищ Лавандова, – гораздо мягче обратился он к Алле, – вообще не следовало к нему приходить. Зачем вам это нужно было?

На глазах у Аллы появились слезы, которые она всегда

умела вызывать по первому требованию.

– Я просто... хотела все-таки понять... зачем он это сделал... – И, не договорив, она выбежала из комнаты.

Следовательно, ничего мне больше не сказав, вышел сразу вслед за ней.

На этот раз в камеру я вернулся не только опустошенным, но и как будто заново переродившимся.

Филипп Филиппович искусным плетением своих психиатрических словес едва не уверил меня в том, что я сумасшедший. Да и немудрено мне было усомниться в своем душевном здоровье ввиду происшедшего со мной за последнее время. Но уж теперь-то я не поддамся ни на чьи уговоры, трюки, комбинации – и что там еще может быть. Теперь я наконец знаю всю правду. И даже «ценой спасения своей жизни», как вечно повторял следователь, не собираюсь называться Носовым. Я бы и вообще никем посторонним никогда не назвался, а уж подобным паршивцем – так тем более.

Когда ко мне вновь пожаловал Филипп Филиппович, я ему так и заявил:

– Доктор, я думаю, пора заканчивать наши игры. Я не Носов – и не могу им быть ни при каком раскладе.

Психиатр удивленно вскинул брови. Он уже привык, каким податливым я был с ним в последние несколько дней, поэтому, видно, не ожидал, что я вдруг дам задний ход.

– Любопытно, – пробормотал он, не сумев скрыть растерянности. – И что же вас... э-э... натолкнуло на такую мысль?

Я махнул рукой:

– Боюсь, вы мне не поверите... Ну да ладно уж: известная вам артистка Лавандова, о которой мы столько говорили, сегодня пришла ко мне на свидание и призналась в своем обмане. В том, что она нарочно дала против меня показания как против Носова, хотя ей прекрасно известно, что я – Уткин... Она действительно приходила ко мне – можете справиться у следователя.

– Да, он уже говорил мне об этом, – неожиданно отозвался Филипп Филиппович. – Вы пытались выкрасть у Лавандовой ее личные записи, оказавшиеся у нее с собой, но я был уверен, что понял, какую цель вы этим преследовали. А теперь вижу, что...

– И какую же? – нервно перебил я. – Какую же цель вы в этом увидели?

– Вы решили, что эти записи – личный дневник актрисы, хотя на самом деле то были ее рабочие конспекты. И вы страстно захотели узнать, содержатся ли в этом предполагаемом дневнике упоминания о вас. Потому и сделали попытку завладеть этими записями.

– Вы забыли произнести: «Носов», – ехидно проговорил я. – «Упоминания о вас, Носове» – это вы имели в виду?

– Вы прекрасно осведомлены о моей позиции в данном

вопросе, – важно изрек Филипп Филиппович.

– Так вот, я – Уткин, – отчеканил я. – И никаких сомнений на этот счет вы во мне больше не пробудите, гражданин доктор.

Психиатр заметно расстроился.

– Позвольте, милый мой, – недовольно заговорил он, – мне казалось, вы идете на поправку. Наша терапия проходила успешно – и вдруг ни с того ни с сего... Я никак не думал, что визит артистки Лавандовой сможет как-то повлиять на вас в этом смысле...

– Вы даже не хотите послушать мою версию того, что случилось на нашем свидании?! – стал я злиться.

– Так вы это уже сказали, голубчик, – развел доктор руками. – Алла Лавандова, мол, созналась вам в своем обмане... Но, уверяю вас, ее якобы признание всего лишь плод вашего воображения. Во всяком случае обещаю вам, что мы еще выясним, отчего именно сегодня оно у вас так разыгралось...

– Никаких выяснений больше не будет! – отрезал я. – Если вы продолжите настаивать на том, что я – Носов, я отказываюсь от какого-либо общения с вами.

– Позвольте, так не делается, – уже почти жалобно протянул Филипп Филиппович. – Лечение шло так успешно, я уже и в диссертацию внес подробное описание вашего случая.

– Ах вот оно что! – расхохотался я. – Ну теперь мне все ясно. Все это время вы использовали меня просто как удачно подвернувшийся материал для своей научной работы...

Знаете, после ваших слов я уж точно не намерен больше с вами разговаривать.

Я замолчал, и как Филипп Филиппович ни старался, в этот день он больше не услышал от меня ни звука.

Не услышал доктор от меня ни слова и в последующие дни. А он приходил еще не раз, проявлял упорство. Был уверен, что заставит меня вернуться к прежнему соглашательству или хотя бы просто разговорит. Последнее ему, впрочем, почти удалось. Я решил во что бы то ни стало сдержать обещание и наедине с Филиппом Филипповичем оставаться немым. Но при этом я все-таки позволил себе кивать или мотать головой в ответ на некоторые его вопросы – и вообще активно использовать мимический язык.

Выглядело это примерно так.

– Ну что, дорогой, у вас по-прежнему обет молчания? – начинал доктор, входя в мою камеру.

К такого рода репликам я оставался безучастен, и психиатр брал более серьезный тон:

– Вы обещали возобновить наши беседы лишь в том случае, если я соглашусь считать вас не Носовым, а кем-то другим...

Я бросал на него гневный взгляд, и Филипп Филиппович притворно осекался:

– Ах, ну да, простите, не просто «кем-то другим», а именно Уткиным. Однако я правильно вас понял: вы только в

этом случае согласны вернуться к нашим разговорам?

Я в знак согласия кивал.

– Э-эх, – сокрушенно вздыхал психиатр. – Поймите же, вы хотите вынудить меня прийти к некоему заключению как бы помимо моей воли. По-вашему, это правильно: настаивать на своем такими способами?

Я сверкнул глазами – и доктор тоже правильно меня понял:

– Стало быть, вы настолько убеждены в своей правоте, что для вас все средства хороши... Но я ведь тоже уверен в своей правоте. Почему бы нам снова не подискутировать на эту тему? Беседа ведь гораздо продуктивнее, нежели стратегия, выбранная вами.

Я выразительно поморщился – и Филипп Филиппович опять понял мою мимику верно:

– Ага, мы это уже проходили – вот что вы хотите сказать... Но мы еще не все прошли, далеко не все. И я могу уверить вас, что если мы вернемся к нашей прежней практике общения, то вы еще обязательно скажете мне спасибо, помяните мое слово.

Ответом на подобные заявления вновь служило мое полное безразличие.

– В конце концов, вы избежите тюремного наказания, – прибегал Филипп Филиппович к последнему доводу, который он до последнего же считал сокрушительным. – Дорогой, подумайте, разве это не стоит того? Попасть не в тюрь-

му, где вы с вашим недугом почти наверняка окажетесь еще более духовно искалеченным, — а попасть в больницу, где вас с высокой долей вероятности вылечат, и вы сможете снова стать полноценным членом общества.

Я смотрел психиатру прямо в глаза — и несколько раз медленно мотал головой. Нет, нет и нет! — беззвучно говорил я таким образом, и он опять-таки всецело уяснял мой ответ.

— В конце концов, если вы откажетесь лечиться добровольно, боюсь, я уже ничего не смогу для вас сделать, — хмуро добавлял Филипп Филиппович после минуты-другой уже нашего обоюдного молчания. — Видите ли, насильственное лечение не очень-то практикуется в таких делах, как ваши. Вы обвиняетесь в очень серьезном преступлении — и, к сожалению, для большинства людей, от которых зависит ваша судьба, первостепенным является наказание, возмездие преступнику... А то, что правонарушитель мог преступить закон исключительно из-за своей болезни и, следовательно, нуждается не в наказании, а в милосердии, под каким можно понимать лечение... в общем, такие случаи зачастую рассматриваются у нас отнюдь не надлежащим образом... Словом, я веду к тому, что если вы замкнетесь в себе перед лицом медицины, а перед лицом следствия продолжите отрицать свою личность, это послужит к ускорению процесса по вашему делу. И ускорению отнюдь не в вашу пользу, поймите же это! Вас даже могут приговорить к смертной казни! Мне больно это говорить, и я ни в коем случае не хочу

для вас этого наказания, но именно такими могут оказаться последствия вашей теперешней, с позволения сказать, страсти...

Подобных речей в не слишком разнящихся вариациях я выслушал от Филиппа Филипповича еще немало.

Но потом он все-таки перестал приходить. Что ему еще оставалось делать?

А вскоре следователь, не скрывая злорадства, сообщил мне, что надо мной будет суд и что мне надо готовиться к худшему. Что ж, пусть так. Я согласен скорее умереть, чем получить шанс стать свободным путем добровольной клеветы на самого себя. Я никогда не назову себя презренным Носовым. Я был и остаюсь Уткиным. И умру Уткиным. Даже если до своей смерти так и останусь единственным человеком, которому известен этот факт и который открыто его признает.

IV

1.1.62

С первого дня нового года решила вести дневник. Может, он хоть как-то поможет мне разобраться в том, во что я превратила собственную жизнь. Вот уже который год одна и та же мысль все настойчивее бьется в моей голове. А именно – я связалась не с тем человеком. Этого человека я буду называть здесь У. Он кинорежиссер. Я актриса. Мы вместе учились. И с тех пор я с ним. В качестве его постоянной актрисы, его постоянной любовницы, а с некоторых пор еще и сожительницы. И все это время я едва ли не каждый день повторяю себе: зачем, зачем? Зачем я продолжаю находиться рядом с ним? Он успешный режиссер – может, в этом все дело? Нет. Во-первых, я точно знаю, что я не из тех, кто ради ролей готов на все, даже на торговлю своей личной жизнью. Во-вторых, когда я только сошлась с У., ничто не говорило о том, что он станет таким успешным. Ему просто повезло. А талантливым он никогда не был – я изначально это знала.

Самым талантливым у нас на режиссерском факультете был Нестор. Но как раз он не сумел удержаться в профессии – не снял ни одного фильма, кроме дипломной короткометражки. Просто ему не повезло. Не проходит и дня, чтобы я не спрашивала себя: а если бы я тогда осталась с ним, с Нестором? Ведь он так был в меня влюблен. Да и я ка-

кое-то время была им чрезвычайно увлечена. Пока не появился У. С помощью своего поверхностного блеска, показного остроумия, своих, проще говоря, суетных кривляний он тогда весьма преуспел в том, чтобы заморочить мне голову. Как ни стыдно в этом признаваться, но в те годы я, видимо, еще была круглой душой. Иначе ни за что бы не купилась на такие дешевые фокусы, которыми У. меня, грубо говоря, соблазнил. Теперь я лишь кусаю губы, вспоминая, какого чистого, прекрасного, невероятного человека я променяла на этого болтуна, фразера и позера.

Нынешний У., кстати сказать, серьезно отличается от того, каким он был в институте. Теперь он стал попросту скучным и занудным. К тому же с годами в нем изрядно развились худшие его черты: эгоизм, высокомерие, грубость, черствость, даже жестокость. Не столько ко мне, сколько к своим, так сказать, подчиненным – членам его съемочной группы.

А как он третировал несчастного Фигуркина! Это еще один наш бывший однокурсник. Пользуясь своей внезапной влиятельностью, У. сумел протолкнуть картину Фигуркина через инстанции. И после этой вроде бы элементарной товарищеской поддержки У. считает возможным всячески унижать Фигуркина – как за глаза, так даже и в глаза.

И мне самой все чаще приходится стыдиться того, что я являюсь фактической женой этого самого У. И что все об этом знают. Перешептываются за моей спиной и так далее.

Не раз слышала я эти шушуканья коллег на мой счет. «И как она с ним может? Он такой противный». – «Да, видно, и она такая же, раз по-прежнему с ним».

Так вот, если бы мне тогда, в годы учебы, хватило ума и чувства остаться с Нестором, что бы со мной было сейчас? Вероятно, я не была бы известной. И вряд ли бы меня снимали в кино. Играла бы третьи роли в каком-нибудь заштатном театре... Но, возможно, была бы счастлива. Нестор, наверное, тоже ушел в театр – а может, на какое-нибудь провинциальное телевидение. Как бы мне хотелось узнать, что с ним. Надеюсь, он счастлив.

А может, если б я осталась с ним, он бы, напротив, преуспел в жизни? Может, я бы вдохновила его на великие свершения – неважно где, в кино, в театре ли... Конечно, нескромно так рассуждать, но я точно знаю, что Нестор – по-настоящему выдающийся человек. И раз он почему-то так сильно полюбил меня, значит, я была ему нужна. Может, он видел во мне свою музу? Но нет, лучше так не думать. Иначе получится, что я из-за своей глупости лишила мир его гениальных работ.

В любом случае я очень и очень жалею, что тогда так поступила с ним. Что сделала такой неудачный выбор. Что теперь кусаю локти и почти глотаю слезы, когда думаю о своей жизни.

Ну вот, наконец-то я хоть кому-то в своих тайных мыслях призналась. Пусть и всего лишь обычной ученической тет-

радке в линейку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.